

Сергей Кабанов

Независимый

Сергей Кабанов

Независимый

«Издательские решения»

Кабанов С.

Независимый / С. Кабанов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749645-6

История жизни одного человека. История его пути. История его борьбы.
Книга об идеалах и вечных ценностях. Книга о безграничной преданности
Родине в контексте частично альтернативной истории.

ISBN 978-5-44-749645-6

© Кабанов С.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие автора	6
I. Casus belli 1	7
II. Si vis pacem – para bellum 7	9
Глазго	10
Филадельфия	13
Нью-Йорк	16
Бостон	20
Брест	25
III. Castigo corpus meum 1 1	30
IV. In limine... 23	35
V. Quare et invenies 30	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Независимый Сергей Кабанов

© Сергей Кабанов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие автора

Эта книга – вымысел на основе реальности. Я прошу читателя не обращать внимания на первую главу. То есть внимание обратить, конечно, надо, просто никто из моих первых читателей не увидел, сначала, связи первой главы с остальными. Пусть читатель не пугается первой главы и не думает, что вся книга такая. Вся книга не такая. Пусть читатель сам решит, какова она. Я намеренно изменил дату сражения у острова Фидониси (в действительности оно произошло в 1788, а не 1778 году; вместе с ним автоматически перенеслись на десять лет назад все события, связанные с присоединением Крыма к России и строительством Черноморского флота) – пусть читатель простит мне эту оплошность. Я изменил дату для того, чтобы подогнать это событие под остальные. Все остальные же события вымышлены (за исключением Трафальгарского сражения, но его исход был, конечно, не таким). Любое совпадение является случайным, за исключением тех имен и фактов, которые известны всему миру. Здесь присутствует достаточно серьезное коверканье истории, но в наше время ее еще и не так коверкают, причем коверкают в науке, а это – художественная книга. Кроме того, здесь ни в коем случае не выражается мое отношение к гражданам и подданным определенных стран. В книге выражено отношение не ко всей нации, а лишь к ее «отцам» и видным личностям, которые здесь упомянуты. В начале каждой главы, где история подвергается изменению, я старался изложить исторические события такими, какими они записаны в наших учебниках и другой исторической литературе. И, несмотря на все изменения, которые я внес в историю, в конце книги я возвращаю все на круги своя. Кстати конец книги может оказаться для вас неожиданным, но «природу» завершения повествования я попытаюсь объяснить в послесловии. А пока, предлагаю вам углубиться в чтение «Независимого» и прошу после прочтения сначала решить для себя, о чем эта книга, а уж потом прочитать мое объяснение ее содержания. Так будет интересней и полезней для читателя. Итак, приятного чтения! Надеюсь, вам понравится...

I. Casus belli¹

1778 год, сражение у острова Фидониси.

Некто был матросом на одном из русских фрегатов. В его обязанности входило «дежурство» на марс-площадке² с ружьем в руке. Некто стрелял хорошо. А еще Некто хорошо соображал...

...Некто был из обычной русской семьи. Они жили в Энском селе, Энского уезда, Энской губернии. Он кое-как получил образование. Можно сказать, он дал себе его сам. Отца Некто почти не видел. Отец был моряком. Воспитывался Некто матерью и бабушкой. Некто был довольно суетным. Но иногда он мог сидеть, задумавшись, по несколько десятков минут. Некто стремился к морю, хотя никогда его не видел. Его отец участвовал в Чесменском сражении. После него он привез для Некто самоучитель английского, найденный им у убитого турка. И Некто выучил английский. А потом он занялся французским. Наконец Некто упросил родителей отпустить его во флот. Отец поехал в Питер, а Некто – в Севастополь. Там Некто и поступил на службу на один из фрегатов формировавшейся эскадры. Вскоре к нему присоединился отец, ратовавший в Питере за свое назначение в Севастополь.

Первое время Некто выполнял второстепенную работу. Попутно он обучался навигации. Некто проявлял к морскому делу живейший интерес. В это же время проявилась его способность точно стрелять. А выяснилось это совершенно случайно, в результате спора с отцом. Отец, проигравший спор, посоветовал командиру фрегата обратить на сына внимание. Тот обратил и назначил Некто на должность стрелка с марс-площадки...

...И вот Некто впервые в бою. Впервые выпадает шанс проявить свое мастерство с пользой для товарищей. Он на марс-площадке, как мишень в тире. Спина Некто почти прислоняется к мачте, чтобы хоть с одной стороны закрыться от вражеского огня. Корабль в гуще боя. Турки превосходят числом, но не умением. Этот бой – дебютный и сразу удачный для Ф. Ф. Ушакова. Но с Некто немного другая история.

Некто просто четко исполнял свои обязанности. Он дежурил на марс площадке грот-мачты. Их фрегат был атакован тремя мелкими турецкими кораблями. Некто стрелял в сторону одного из них, укрывался за мачтой, перезаряжался, разворачивался и стрелял в сторону другого. Фрегат, на котором находился Некто (вместе с отцом), был тридцати восемью пушечным. В один из периодов сражения завязался ожесточенный бой с сорока двух пушечным турецким фрегатом. Некто стрелял по орудийным расчетам, обслуживавшим орудия на опердеке³ турецкого фрегата. Поэтому сам он был желанной целью турецких стрелков. Бой был маневренным, и русские старались давать залпы по туркам, не попадая под ответные. Но вот на турецком фрегате приготовили залп. Турецкий офицер поднял руку, чтобы ее взмахом отдать команду «пли». В этот момент Некто обратил внимание, что этот турецкий офицер в действительности одет в английский мундир, да и лицом на турка не похож. Некто взял прицел и выстрелил. Прозвучал бортовой залп...

...Отец Некто был наводчиком одного из орудий на опердеке. Место опасное, чего уж говорить. Некто периодически поглядывал вниз, но там все было в порядке. Пушка, наводимая отцом, делала выстрел за выстрелом. После вышеупомянутого залпа же пушка была разбита, весь расчет – убит, и только отец – цел и невредим.

¹ (ЛАТ.) ПРИЧИНА ВОЙНЫ

² Марс-площадка – площадка на мачте, изначально служившая для наблюдений за морем.

³ Опердек – верхняя палуба.

Теперь отец укрылся, а бой продолжался. Некто очень удивился присутствию английского офицера на турецком корабле. Он слышал, что Англия помогает туркам, но не думал, что эта помощь – прямая. Некто увидел, что скрывается под маской дружбы и взаимопомощи. И, хотя он об этом не догадывался, его ждала еще пара подтверждений этого предположения.

Первое выразилось, спустя несколько минут, на (или в) турецком линейном корабле, под кормой которого проходил фрегат. Понятно, что высота борта турецкого линейного была значительно больше, чем у русского фрегата. Но марс-площадка, занимаемая Некто, все равно находилась выше. И вот наш стрелок, не веря своим глазам, обнаружил второго английского офицера, готовящегося отдать команду «пли» турецким стрелкам, выстроившимся на юте⁴ и нацелившими свои ружья на матросов, находящихся на опердеке русского фрегата. Некто едва успел убить англичанина раньше, чем тот взмахнул рукой, но турки не растерялись, подняли головы и вразнобой выстрелили по марс площадке. Но Некто уже... не было, он укрылся за мачтой и перезаряжал там ружье, думая уже вписать англичан в число своих личных врагов. В это время турецкий линейный корабль остался позади...

Второе выразилось, спустя двадцать – тридцать минут, в виде маленького турецкого кораблика, попавшего под бортовой залп русского фрегата. Судя по всему, этот турецкий кораблик был корвет, с вооружением порядка двадцати пушек на опердеке. Далеко не все из них к тому моменту находились в рабочем состоянии. Так вот на марс-площадке фок-мачты этого корвета стоял английский матрос, с ружьем. Он брал прицел то ниже, то выше, то левее, то правее, раздумывая: в кого бы выстрелить. Но Некто быстро нашел этого выдающегося из масс индивидуума, воевавшего за деньги, а не за Родину или что-то близкое к ней, ибо ей – Англии – ничего со стороны России не угрожало. Много таких, жадной толпой окружающих людей, которые платят им за их лесть, выражающуюся в готовности пойти на что угодно, в погоне за деньгами, являющимися, по сути, пустой бумагой и обычным железом, которое им так и не дано, зачастую, увидеть. Но Некто не думал об этом. Его мысли были направлены теперь в одну точку – в голову англичанина, возлежащую на дуле ружья Некто, равно как и его самого голова выцеливалась английским солдатом удачи. Некто выстрелил...

К этому времени их фрегат представлял довольно мрачное зрелище. Половина пушек была разбита, некоторый такелаж⁵ – порван, а рангоут⁶ – поломан. Но сражение подходило к концу. Турки, как это ни странно, начали отступать, потеряв один корабль. Ушаков провел блестящий маневренный бой и заставил противника, превосходящего его по числу линейных кораблей в восемь (!) раз, уйти. Такого исхода никто не ожидал. Командование флота сделало определенные выводы.

Некто сделал для себя свои выводы. Он окончательно понял, что не всегда тот друг, кто другом зовется. Некто знал, что «враг моего врага – мой друг». Исходя из этого, он понял, что «друг моего врага – мой враг». Во время обратного пути в Севастополь Некто все обдумал. В его уме в то время рождались туманные мысли, касающиеся его будущего. И он решил изложить свои мысли командиру фрегата, с которым у них с отцом были особые отношения. Тот выслушал его. Сначала он колебался, но, путем долгих споров, Некто убедил его в своей правоте.

И Некто взял то, что выпросил у тех, кто дал ему это. Некто направился туда, куда указывал ему разум, используя то, что получил от тех, у кого он это выпросил. Некто попрощался с теми, кто не хотел его отпускать. И Некто мысленно приказал тем, кто хотел убить его, готовиться к явлению его, ибо сказано: «Si vis pacem – para bellum».

⁴ Ют – палуба на корме парусного корабля.

⁵ Такелаж – все канаты и веревки парусного корабля, связанные с парусным вооружением

⁶ Рангоут – мачты, реи и прочие деревянные снасти, на которые крепятся паруса.

II. Si vis pacem – para bellum⁷

1779 – 1780 годы, Глазго – Филадельфия – Нью-Йорк – Бостон – Брест.

⁷ (ЛАТ) ХОЧЕШЬ МИРА, ГОТОВЬСЯ К ВОЙНЕ

Глазго

Томас Фоули был владельцем судовой верфи «Фоули Марине» в Глазго. Он был потомственным наследником этой верфи. Его дед открыл ее. Фоули были семьей джентри – «новых дворян». Его дед – Джордж Фоули, первым решил, что судостроение принесет его семье куда больше прибыли, чем пасущиеся на огромных площадях пастбища овцы. Его предприятие оправдало себя. Прибыль от государственных и частных заказов была в три раза больше, чем от продажи шерсти. Они строили корабли: военные – для государства; торговые – для частных компаний; яхты – для дворян. Сначала на верфи было три стапеля⁸, при отце Томаса – шесть, Томас увеличил число стапелей до восьми.

Вообще семья Фоули любила деньги. Томас – в особенности. Он имел страсть к деньгам, всюду гоняясь за наживой. В его планах было добавить еще два стапеля на верфь. «Фоули Марине» давила конкурентов якобы низкими ценами, а в действительности требовала на пятьдесят процентов больше. В обмен верфь предлагала древесину высшего качества, ускоренную постройку, без потерь в качестве продукта, и лучшую в Англии отделку. Надо сказать, «Фоули Марине» действительно сдерживала свое слово, ведь стоило Томасу увидеть дополнительный доход, как он мог все перевернуть в поисках древесины высшего качества и лучших мастеров отделки. И владелец верфи творил чудеса, находя все это в кратчайший срок. «Фоули Марине» не переставала удивлять клиентов скоростью и качеством постройки.

Джордж Сэйлор слышал об этих великолепных качествах знаменитой судовой верфи. Поэтому он отправился именно туда. Когда Сэйлор прибыл в контору, он увидел очередь из четырех человек, ожидающих делового разговора с Томасом Фоули. Джордж понял, что ему нужно действовать быстро, дабы не упустить свой шанс. И он бесцеремонно направился к двери, на которой висела табличка: «Томас Фоули. Начальник верфи. Владелец «Фоули Марине».

– Сэр, вообще-то здесь соблюдается очередь! – попытался возразить Сэйлору какой-то великовозрастный джентельмен, сидевший в коридоре. Он был довольно плотного телосложения. Судя по всему – лицо от Ост-индской компании. Но Сэйлор не сдавал.

– Мистер, мы с мистером Фоули сейчас быстро все уладим. Вас мы нисколько не задержим.

Он открыл дверь в кабинет и вошел. Фоули удивленно поднял глаза на явившегося.

Владелец верфи сидел за небольшим столом, заваленным бумагами. Напротив стола стоял стул для клиентов. Дверь также была напротив стола, примерно в двух метрах от него, и открывалась наружу. Слева от нее располагалось единственное, в тот момент распахнутое, окно. На подоконнике стоял фонарь. Больше ничего примечательного в кабинете не обнаруживалось.

Томас Фоули был высоким человеком с тощей и костлявой фигурой, увенчанной неестественно вытянутым в области скулы лицом. Глаза были близко поставлены, а высокий лоб полузакрыт неизменной треуголкой, которую он, похоже, никогда не снимал. Парик отсутствовал. Фоули одевался в мундир (!) темно-зеленого цвета, наподобие красных мундиров английских солдат. Белые отвороты рукавов этого мундира, в особенности на правой руке, уже давно замусолились и истерлись. Штаны и обувь Фоули напоминали снаряжение армии Англии. В общем, внешний вид не соответствовал человеку его достатка. Владелец судовой верфи явно экономил на одежде.

Джордж Сэйлор представлял собой противоположность Томасу Фоули. Это был человек, ростом еще выше первого, но с более атлетичной фигурой. Лицо представляло собой по форме

⁸ Стапель – «леса», на которых набирается корпус корабля.

некое совмещение овала с прямоугольником, но не так вытягивалось, как у Фоули. Глаза расставленные шире, играли хитринкой и затаенной силой. Голову его венчала темно-синяя треуголка с черной окантовкой, из-под которой выбивались темно-коричневые волосы. Джордж носил мундир на манер капитанского в цвет треуголки. Плащ-накидка черного цвета, из-под которой внизу выглядывали ножны, а сверху рукоять сабли, повисла за спиной. Кроме того, на поясе было две кобуры с пистолетами. Все отвороты и окантовка мундира блестели золочеными пуговицами на вороного цвета ткани. На ногах посетитель носил походные сапоги со шпорами, а ладони скрывал под черными перчатками. Так выглядел Джордж Сэйлор – человек, представший перед глазами владельца и директора «Фоули Марине».

– Что вам угодно, сэр, и почему вы так бесцеремонно вломились сюда?

– У меня нет времени на формальности, джентльмен. Мистер Томас Фоули, как я понимаю? Меня зовут Джордж Сэйлор. У меня есть предложение, которое вас озолотит.

– Присаживайтесь, сэр, – Фоули указал клиенту на стул.

– Спасибо, мистер Фоули. Я прошу вас объявить джентльменам в коридоре, что сегодня вы никого не примете. Иначе я не смогу говорить. Пожалуйста, проследите за тем, чтобы они удалились.

И Томас, почуявший запах денег, мгновенно исполнил просьбу Сэйлора.

– Так о чем собственно речь? – Фоули отложил все бумаги и уставился на собеседника.

– Вы должны построить корабль. Фрегат. Из лучшей древесины, в кратчайшие сроки и без потерь в качестве. Я слышал, по таким делам «Фоули Марине» – лучшая верфь, – взгляд Сэйлора сверлил Фоули и тот, не выдержав, опустил глаза.

– Извините, сэр, но у нас нет свободного стапеля, да и готовой древесины. Кстати, кто вас прислал?

– Я прислал себя сам. Я заплачу вам двойную цену, и вы найдете стапель, древесину и рабочие руки. Я доплачу еще, и вы больше не будете интересоваться, кто меня прислал, не так ли?

Фоули почуял, что из этого клиента можно выкачать еще больше и не согласился:

– Вы знаете, сколько эти рабочие требуют в оплату своего труда? А сколь дорога сейчас древесина? Я разорюсь!

– За тройную цену – нет. Больше того, вы сохраните в строжайшей тайне то, что вы будете строить и то, для кого вы будете строить. Вы сохраните в тайне спуск этого корабля, на корме которого не будет названия, на воду. Вы заплатите рабочим, чтобы они молчали, и сами будете молчать. Вы найдете первоклассную древесину и стапель на пустом месте. И, через двадцать один месяц, вы сдадите мне лучший в мире фрегат. Не так ли, мистер Томас Фоули?

Глаза судостроителя светились от счастья:

– Я все сделаю в точности!

– Вот вам аванс. Здесь реальная стоимость работ. Остальное получите после постройки, – и Сэйлор отсчитал энное количество ассигнаций и, в дополнение к ним, выложил на стол мешок со звонкой монетой.

– Спасибо, сэр Джордж! Я все сделаю по высшему разряду!

– Я очень на вас надеюсь, мистер. Счастливо оставаться! Возможно, мы еще увидимся во время работ, а вообще, ждите нас через двадцать один месяц.

– Вы уже уходите? Что ж, до свидания, сэр Джордж! Был очень рад познакомиться с вами!

Сэйлор уже хлопнул дверью. У порога он бросил бумагу, с номером его банковского счета, в качестве гарантии выплаты остальных денег. Фоули был счастлив. Он закрыл контору и удалился выполнять обязательства.

Джордж Сэйлор шел по улице Глазго в направлении порта. Он думал: «Вот как деньги преобразуют людей. Этот скупой и жадный человек готов на все, лишь бы сорвать с клиента лишний фунт. А когда тот заплатит ему, Фоули перевернет всю Англию, но найдет и сделает то,

что обязался. Ему бы королем быть с таким темпераментом. Золотой был бы человек, если бы деньги не так любил». В это время Сэйлор открыл кошелек, чтобы проверить количество денег.

Какой-то человек на бегу оттолкнул Сэйлора и выхватил у него кошель. Началась погоня. Люди на улице расступались перед бегущими и смотрели им вслед. Сэйлор не звал на помощь. Он был уверен в своих силах и способностях. Когда вор свернул за угол, Сэйлор решил, что момент настал. На бегу он выхватил пистолет из правой кобуры левой рукой и выстрелил под ноги вору. Людей рядом не было. Это произошло в узком грязном переулке. Расчет Сэйлор оказался правильным: пуля ударила в землю рядом с ногой вора, и он упал.

Джордж подбежал, перевернул лежащего вора, чтобы увидеть его лицо. Кошель Сэйлора лежал впереди, метрах в двух. Вор был чуть моложе Сэйлора. Лицом он смахивал на француза. Одеждой – на моряка. Теперь он был весь в грязи. Сэйлор приставил пистолет к голове вора:

– Кто ты такой!?

– Я ничего не скажу!

– У тебя два варианта: или я спускаю курок, или ты получишь половину денег, которые хотел украсть. Выбирай!

– Я вам не верю!

– Я считаю до трех... Один!... Два...

– Стоп! Меня зовут Робер де Брильяр. Я – французский матрос. Наш корабль потопили англичане. Меня взяли в плен. Здесь я сбежал, и теперь меня разыскивают. Все! Я все сказал.

– Какие паруса ты бы поставил, если бы дул свежий норд-ост, а тебе надо было бы идти строго на зюйд-вест?

– Я бы поставил марсели и брамсели на фок и грот и, может быть крюйс-марсель⁹.

– Вставай! Вот тебе деньги. Я вывезу тебя из Глазго в обмен на то, что ты будешь служить мне верно. Родные у тебя есть?

– Нет, сэр! Я буду с вами везде. А к чему был вопрос про ветер?

– Мы направляемся в Филадельфию, де Брильяр. Расскажу тебе все по дороге. А пока, нужно попасть в порт. Если ты голоден, пообедаешь на корабле.

⁹ Крюйс-марсель – нижний парус бизань-мачты.

Филадельфия

Торговый корабль, капитану которого Сэйлор заплатил хорошие деньги, чтобы тот довез их до Филадельфии, высадил двух путников на внешнем рейде. Сажая Сэйлора и де Брильяра в шлюпку, стоимость которой они вполне оплатили, капитан сказал им, что опасается захвата судна, потому что не знает, под чьим контролем город.

И вот два странника гребли в направлении берега страны, раздираемой войной за независимость, начавшейся в результате неправильной политики английского короля и парламента в отношении свободолюбивых жителей этой страны, являвшими собой не англичан, а смесь пятидесяти народов, и именовавших себя американцами. Естественно, патриоты ненавидели англичан. Джордж Сэйлор рассчитывал набрать основную часть команды из них. Его спутник, Робер де Брильяр, был введен Джорджем в курс дела. Во время долгого путешествия через Атлантику, Сэйлор убедил де Брильяра, что их дело – правое. И теперь умный матрос из пикардийской семьи стал убежденным сторонником задуманного Сэйлором предприятия.

Филадельфия была тогда знаменита тем, что в этом городе, 4 июля 1776 года, Континентальный конгресс принял Декларацию о независимости новой страны – Соединенных Штатов Америки от Англии и еще кого бы то ни было. Филадельфия являлась типичным колониальным городом, как и другие такие в Северной Америке. Достаточно широкие улицы застраивались одинаковыми (или почти одинаковыми) трех-, четырехэтажными домами. На широких улицах бродила беднота и патрули Континентальной армии. У пристаней стояло несколько кораблей, в том числе фрегат под американским флагом.

Джордж Сэйлор решил пристать к самой отдаленной пристани, чтобы не привлекать лишнего внимания. Они высаживались в утренней дымке. Как ни хотел он засекретить высадку, патрули уже суетились, озадаченные появлением корабля с английским флагом на внешнем рейде. Однако путники без эксцессов ступили на твердую землю и пошли по улице к центру города. Де Брильяр не понимал, зачем они идут в центр, если они прибыли нанимать моряков, которые болтаются в порту, но француз не задавал лишних вопросов. Каково же было его удивление, когда Сэйлор у первого попавшегося патруля остановился и спросил, где можно найти коменданта города.

– Зачем вам комендант, сэр? – спросил де Брильяр, когда они отошли на достаточное расстояние от солдат.

– Думай, де Брильяр. Ты это умеешь, поэтому ты и здесь.

Они пошли дальше. Через некоторое время моряки добрались до площади у здания ратуши. По пути Джордж постоянно справлялся о правильности дороги к ней. Вход в ратушу охраняли два солдата. Когда Сэйлор и де Брильяр подошли к ним, те потребовали пропуск. Пропуска не было.

– Ну, на «нет» и суда нет! – констатировал капрал Континентальной армии.

– Ребята, а вы давно пили фирменный виски? – заискивающе спросил Сэйлор, подняв брови и глядя на солдат как бы исподлобья и улыбаясь кривой насмешливой улыбкой.

– Давно, сэр!

– Значит, выпьете сегодня, – и он протянул солдатам бутылку виски.

Джорджа и Робера впустили в ратушу. Они прошли к кабинету коменданта Филадельфии. У двери какой-то швейцар сказал им, что комендант никого сегодня не примет. На это Сэйлор с обычной своей бесцеремонностью ответил:

– Нас примет!

– Но сэр...

Однако Сэйлор и де Брильяр уже хлопнули дверью.

В комнате, где они оказались, имелось два окна – слева и справа, напротив друг друга. На стенах были поклеены обои, а на полу – положен паркет. Потолок украшала люстра на восемь свечей, а стену напротив двери – картина, изображавшая баталию времен крестовых походов. Под полотном стоял стол, за которым и сидел хозяин кабинета.

Комендант был человеком среднего роста и телосложения. Его лицо имело почти круглую форму с орлиным носом и совиными бровями. Подбородок едва выделялся, а под носом комендант носил усы. На голове его был парик (!), а треуголка лежала рядом. Представитель власти носил мундир, похожий на форму немецких наемников, темно-серого цвета с белыми отворотами и золотыми пуговицами. Рядом со стулом стояла прислоненная к стене сабля в ножнах. Когда двое неизвестных вошли в кабинет, комендант был занят какими-то мыслями. Его руки лежали на столе, а глаза были устремлены в одну точку.

Сэйлору этот человек понравился. Поэтому он заговорил первым:

– Сэр, извините нас за то, что мы так внезапно вломились к вам в кабинет.

– Да... Господа... Я не занят. У вас что-то важное? Вы кто?

– Меня зовут Отто Штайнер, – представился Джордж Сэйлор, – а это мой французский друг – Робер де Брильяр. Вот мои документы. Робер, покажи мистеру...

– Миллеру. Рой Миллер.

– ...Мистеру Миллеру свои документы.

И Сэйлор предъявил коменданту Миллеру свои прусские документы. При этом, движение его руки сопровождалось заинтересованным взглядом не перестающего удивляться де Брильяра. Он выложил свои единственные документы.

– Так... Значит, Штайнер и... Присаживайтесь, господа!.. И Робер де Брильяр, – комендант читал их бумаги.

– Совершенно верно, сэр!

– Когда вы прибыли к нам, господа?

– Вчера, на корабле, привезшем припасы для Континентальной армии из Франции, – ответ Сэйлора сопровождался тем, что глаза де Брильяра чуть не вылезли из орбит от удивления. Робер решил, что им конец. Но, не тут-то было.

– А, это тот корабль!? Ясно, господа... Так что же вам от меня надо?

– Мистер Миллер, мы собираемся посетить Нью-Йорк и Бостон. Мы хотим получить от вас какой-нибудь документ, дабы избежать возможных недоразумений с солдатами как там, так и здесь, – Сэйлор сверлил коменданта взглядом, говоря эти слова, облокотившись на стол и оперев голову на кулак левой руки. Де Брильяр сидел напротив него.

– Многоуважаемые господа! Я не могу дать вам подобного верительного документа. Я не знаю кто вы. За вас никто не поручится. А может вы – английские шпионы? А? Ваши имена, быть может, совсем не ваши? Может быть вы, Отто Штайнер, сейчас выхватите пистолет и убьете меня? Но по вам и вам, Робер, я вижу – вы этого не сделаете. Вы люди порядочные. Но у меня есть инструкции, и их я, как бы я этого ни хотел, нарушать не могу. Извините, господа! – произнося эти слова, Миллер переводил взгляд то на де Брильяра, то на Сэйлора.

– Спасибо за оказанную нам честь, сэр комендант. Кстати, откуда открывается прекрасный пейзаж! – и Джордж посмотрел в окно. Комендант тоже повернулся туда, а наблюдательный Робер заметил, что хитрый Сэйлор стянул со стола коменданта две бумажки из тех, что лежали там большой стопкой.

– Да, вид неплохой! А к чему это вы?

– Просто обратил внимание. Ну что, до свидания, мистер Миллер! – и Сэйлор встал и направился к двери, увлекая за собой де Брильяра.

– Вы уже уходите? Хорошо. До встречи, господа Штайнер и де Брильяр, если вас действительно так зовут!

Через минуту моряки вышли из ратуши. Сэйлор повел де Брильяра, который не мог сказать ни слова, в переулок. Там, убедившись, что никого нет, и никто их не видит, Джордж сел на ящик, подвинув его к бочке, вынул бумаги, взятые со стола коменданта, и положил их на импровизированный стол. Робер молча стоял рядом и читал глазами надпись на одной из бумаг: «Верительная бумага». Ниже шли строки: «имя», «фамилия», «страна», «где имеет силу» и «комендант Филадельфии – Миллер. Подпись». Под последней строкой и на той и на другой бумагах стоял автограф коменданта.

– Давай сюда чернила, де Брильяр!

– Что вы хотите делать?

– Напишу документы на наши имена. Спасибо мистеру Миллеру за его подпись, – и Сэйлор взял у Робера перо и чернила, которые тот носил с собой.

– А вы не боитесь, что комендант обнаружит пропажу?

– В такой груде этих бумаг он не обнаружит ничего!

– А подозрительный все же этот Миллер...

– В чем, по твоему мнению, это выражается? – Джордж, подписывавший бумаги, посмотрел, скосив глаза и приподняв правую бровь, на Робера.

– Он с таким подозрением отнесся к нашим именам...

– Комендант не подозрителен, он умен и хитер. Человек дельный. Сразу видно, что надежный и честный. Такого не купишь, и он не продаст. Пусть, однако же, простит нас за наш маленький обман, – в это время Сэйлор закончил подписывать бумаги. – Мы выдвигаемся!

– Куда?

– В порт, де Брильяр, в порт!

И они пошли по уже знакомым улицам в обратном направлении. Когда путники вернулись в порт, Сэйлор стал давать наставления де Брильяру:

– Сейчас мы разделимся. Мы должны набрать здесь человек семьдесят. Не пугайся. Я дам тебе половину денег. Ты будешь слоняться по порту и городу. Ты легко отличишь моряков. Ты будешь подходить к ним с вопросом: «Готов ли ты воевать против англичан в команде интернационального фрегата?» Это – основной вопрос. Есть еще формальности, например: «Как тебя зовут?» и «Есть ли у тебя родственники?». Денег ты им давать не будешь. Получив положительный ответ, ты скажешь явиться в порт сегодня в девять вечера, и сам явишься. Да, и еще, говори им, что если снова начнут задавать такие вопросы, чтобы, не слушая, отвечали: «Брест». Ты все понял?

– Да, сэр!

– Иди! – и Сэйлор тоже пошел вербовать новобранцев.

... В девять вечера в порт явились примерно семьдесят пять человек. Даже Сэйлор такого не ожидал. Он нанял один корабль до Бреста. С марс-площадки его он произнес речь:

– Моряки! Вы отправляетесь в Брест. Там вы будете обучаться военному, морскому делу. Вас встретит человек, имени которого вам знать не надо. Вы получите деньги и будете ждать моего прибытия. Сейчас, в целях конспирации, я не могу назвать вам своего имени. Нас объединяет ненависть к англичанам. Так пошатнем же, общими усилиями, могущество Владычицы Морей! – когда он закончил говорить, внизу раздались одобрительные возгласы.

Нью-Йорк

– Как тебя зовут? – Джордж Сэйлор вербовал очередного новобранца.
– Меня зовут Роберт Борк. А зачем вам?
– Роберт, у тебя есть родственники?
– Я не буду отвечать на этот вопрос!
– Я вижу, ты дельный моряк. Я предлагаю тебе службу в интернациональной команде фрегата, который будет воевать с англичанами по всему миру. Приходи сегодня, в девять, в порт.

– Ну, хорошо...

– Простите, что вы ему предлагаете?

– А вы, собственно, кто? – Сэйлор обернулся к вновь подошедшему.

Этот человек был ростом с Сэйлора или чуть ниже. Его одеяние составляли серый мундир с голубоватыми отворотами и плащ. На голове он, конечно же, носил треуголку того же серого цвета. Его волосы были седыми. Возраст этого человека определялся в районе пятидесяти лет. Его лицо было угловатое, с выделяющимся носом. Из-под бровей серьезно смотрели глаза лидера. Похоже, он имел, как и Сэйлор, привычку держать руки за спиной. Теперь неизвестный смотрел на Сэйлора и ждал ответа. Но когда Сэйлор задал ему встречный вопрос, он ответил сам:

– Это я могу требовать у вас документы. Правда, солдаты? – в это время мимо проходил патруль. Очевидно, вопрос был к нему.

– Так точно, сэр! – хором ответили brave вояки Континентальной армии.

– Ну, раз у вас есть полномочия... Меня зовут Отто Штайнер. Вот, – и Сэйлор протянул неизвестному, но, очевидно, высокопочитаемому человеку документы.

– Так, – неизвестный читал бумаги, – а у вас есть какой-нибудь верительный документ?

– Конечно. Смотрите.

– Великолепно, мистер Штайнер! Пройдемся по городу? – спросил незнакомец.

– Ну, если на то ваша воля! – Джордж Сэйлор согласился и пошел за неизвестным с твердым намерением узнать имя незнакомца, носившего одежду армейского командира.

Два человека шли по улицам Нью-Йорка. Этот город, изначально именовавшийся Новым Амстердамом, переживал не лучшие дни. Черная оспа косила его население. Кругом жгли зараженные вещи. Наскоро устроенные госпитали не справлялись с наплывом пациентов. Эти «госпитали» в основном служили для того, чтобы изолировать от заражения здоровых людей. Если вся страна боролась против английской армии, то Нью-Йорк боролся против двух угроз: захвата англичанами и вымирания от черной оспы. Но заражен был еще не весь город. Незараженная его часть наблюдала зарево пожаров в выжигаемых кварталах. А два человека шли по улице.

– Сэр, могу ли теперь я поинтересоваться насчет вашего имени? – задал вопрос Сэйлор.

– Нет, сэр, ибо я не знаю вашего! – такой ответ удивил и насторожил Сэйлора.

– Меня зовут Отто Штайнер.

– А на самом деле?

– Я же говорю – Отто Штайнер. Вы ведь видели мои документы! – Джордж понял, что этот человек просто так не отстанет.

– У вас может быть множество таких документов, мистер... так как вас зовут? – этим вопросом незнакомец уже надоел Сэйлору.

– А с какой стати я вообще должен говорить имя человеку, который сам отказывается называть свое? Я не вижу смысла в нашем дальнейшем общении. Я удаляюсь! – и Сэйлор уже

пошел обратно, не удовлетворив свое любопытство, как вдруг, пройдя метров десять, услышал себе вдогонку слова:

– Меня зовут Джордж Вашингтон! Прощайте, мистер неизвестный!

Сэйлор обернулся:

– Пойдите, сэр!

Джордж подошел к человеку, который представился командующим Континентальной армией. Он еще раз внимательно осмотрел его. Он сопоставил факты. Наконец, он задал вопрос:

– Значит, вы и есть Джордж Вашингтон – плантатор из Вирджинии, воевавший в англо-французскую войну, вынесший с поля боя, тогда, генерала Брэдока, а теперь командующий Континентальной армией. Вы, человек, выступающий и воюющий под девизом: «Свобода, равенство, собственность», и имеющий, при этом, рабов. Ваше имя будет вписано в историю, как имя одного из «отцов-основателей» США. Что ж, рад был познакомиться, меня зовут Джордж Сэйлор! – Сэйлор закончил свой монолог.

– Я вижу, вы так хорошо обо мне осведомлены, мистер Сэйлор – Штайнер!

– Мистер Вашингтон, у меня есть к вам пара вопросов.

– Если я отвечу на них, вы впоследствии ответите на мой? – Вашингтон вопрошающе посмотрел на Сэйлора.

– Конечно. Итак, мне нужен монсеньер маркиз Жильбер де Лафайетт! У меня к нему важное поручение, дело. Где я могу найти его? – Сэйлор сверлил взглядом Вашингтона.

– К сожалению, монсеньер де Лафайетт сейчас в Бостоне. А какое у вас может быть к нему дело?

– Видите ли, сэр Джордж, здесь говорить об этом слишком опасно. Мы должны где-нибудь уединиться. Если вам, конечно, интересно узнать причину моего пребывания здесь, и моей дальнейшей цели поехать в Бостон, не связанной с желанием поговорить с де Лафайеттом.

Вашингтон, задумавшись над этим предложением, отвел взгляд в сторону. Сэйлор посмотрел в том же направлении и снова на него. Мимо шел патруль, отдавая честь будущему президенту. Сэйлор чувствовал, что Вашингтону можно довериться, кроме того, рассказав ему все, он рассчитывал получить от командующего помощь, в виде новобранцев. От Лафайетта Сэйлор также хотел услышать имена толковых людей во Франции. Чтобы добиться доверия Вашингтона, Сэйлор назвал ему свое настоящее имя. Но на самом ли деле Джордж Сэйлор звался Джорджем Сэйлором? Об этом читатель сам поразмыслит, а мы вернемся к повествованию. Через минуту Вашингтон утвердительно кивнул головой.

– Пойдемте! Я знаю одно место, где до нас никому не будет дела. Там вы сможете сказать мне все, что хотите, – и Джордж повел другого Джорджа в сторону окраины города.

– Извините, сэр, а там, куда вы меня ведете, будут солдаты?

Вашингтону этот вопрос показался странным:

– Будут. А в чем дело?

– Их нельзя подпускать на пятьдесят шагов. Среди них могут быть шпионы и просто болтуны. Нельзя, чтобы они слышали!

– Хорошо, мистер Сэйлор, они будут далеко, – и спутники пошли дальше.

Они направлялись в сторону форта, название которого нам знать необязательно. Этот форт был частью системы обороны Нью-Йорка. Всего в городе их было два. В случае атаки англичан они должны были стать центральными очагами сопротивления. Бастион, в который направлялись Вашингтон и Сэйлор, как и второй форт, был каменным. Его окружал ров с водой. Стены образовывали шестиугольник. Мост через ров, как и ворота, были единственными во всем укреплении.

Сэйлор, подходя к форту, внимательно наблюдал и приходил к неутешительным выводам. Внизу, у ворот, стояло четверо солдат. На стенах и соседних башнях Сэйлор видел еще человек двенадцать. Дула нескольких пушек мелкого калибра торчали над стенами. За воротами имелась вторая «линия обороны» из еще четырех солдат, стоявших поперек дороги, но расступившихся, завидев Вашингтона и, не раздумывая, пропустив за ним Сэйлора. Дальше взору Джорджа предстал пороховой склад, охраняемый одним (!) солдатом, казармы, вмещавшие не более сорока человек, и еще одно кирпичное здание, у которого патрулировали шестеро солдат. Всего во дворе форта Сэйлор насчитал шестнадцать человек. Учитывая тех, кто находился на стенах, Джордж вычислил, что гарнизон форта не более пятидесяти солдат. В это время спутники поднялись по лестнице на помост, где развевался американский флаг, и оставались под флагштоком, отослав оттуда часового. Вашингтон заговорил:

– Это место вас устроит?

Сэйлор, не отвечая, отошел к куче бочек и ящиков, складываемых рядом, взял оттуда одну бочку и поставил ее у флагштока. Затем то же он проделал с еще одной бочкой метровой высоты. Наконец, сядя на одну из них, он сказал:

– Да, если будем говорить тихо. Присаживайтесь, мистер Вашингтон!

– Спасибо! Ну так что у вас там?

– Во-первых, – начал Сэйлор, – оборона форта поставлена из рук вон плохо! Я прошел сюда, а никто даже не спросил: кто я? Вы скажете, что служили мне пропуском, но вы даже ни разу не обернулись, а я шел на почтительном расстоянии. Кто знает, может я просто следил за вами? Восемь человек ни в коем случае не смогут обеспечить безопасность ворот не только потому, что их слишком мало, но и потому, что они подпускают гражданских слишком близко! Может толпа гражданских сейчас достанет из-под одежды пистолеты и перебьет всю эту «грозную» охрану?! Пара пушек шестифунтового калибра также не помешают англичанам. Эти ворота можно вынести прикладами, а цепи подъемного моста разрубить топором! Полсотни солдат не смогут удерживать этот форт против двух с половиной сотен англичан, а такие солдаты, как эти, будут уничтожены при атаке сотни «красных мундиров». Даже если они хорошо забаррикадируются, их выкурят отсюда огнем из мортир до того, как подойдет подкрепление. Пороховой склад сможет взорвать ребенок, а эти вояки и не узнают, что их убило! А теперь скажите мне, что я один не проберусь сюда, взорвав пороховой склад и спустив флаг, я подожгу казармы ночью, когда половина вояк будет в них, а потом лягу спать под эти помостом, изредка выползая и постреливая в солдат! Скажите, что это невозможно! Ну! – в последних репликах Сэйлор перешел на повышенные тона и стал выразительно жестикулировать.

– Не кипятитесь, мистер Сэйлор! Это, как ни страшно признаться, возможно. Но я не имею лучшего! Нам недостает опыта ведения боевых действий. У нас нет времени и возможности хорошо обучать офицеров. У моей армии зачастую нет даже обуви, и от болезней я теряю не меньше, чем в бою! По сути, у этих солдат нет ничего, кроме желания победить... – Вашингтон опустил голову.

– Смотрите на мир с оптимизмом, сэр! – на лице Сэйлора появилась улыбка – Я полагаю, у вас все же есть хорошие солдаты? – улыбка превращалась в заискивающую.

– Да, конечно!

– А матросы?

– Имеются.

– А флот?

– Почти что нет!

– И не предвидится?

– К сожалению, да!

– То есть толковые моряки сидят без дела?

– Да!

– Предоставьте их мне!

Все эти реплики произносились тихо, а последнюю Сэйлор сказал шепотом. После этих его слов, лицо Вашингтона отразило крайнее удивление, смешанное с любопытством. Он спросил, спустя пару минут:

– Зачем вам они?

– Я набираю команду для фрегата, который будет под моим началом воевать с англичанами во всех возможных морях и океанах, подрывая могущество «Владычицы морей» и помогая униженным и оскорбленным англичанами флотам, а также странам, которые находятся под пятой парламента в составе британской колониальной империи. Если вы победите здесь, то англичане укрепят хватку во всем остальном мире. Они боятся терять колонии, а местные жители не рискуют против Англии выступить. Нужно показать людям всего мира, что англичане – простые смертные, что их можно убить, а значит – победить. Они укрепят хватку, а мы ослабим!

– А с чего вы так ненавидите британцев? Вы ведь сам из Англии, – Вашингтон многозначительно посмотрел на Сэйлора.

– Я не из Англии, сэр! Не надо судить по имени! У человека может быть тысяча имен! Не сравнивайте меня со слабым английским народом, который так и не сбросил с себя монархию, хотя король там ничего и не значит! Кстати, вам совет: сильный не всегда так силен, как кажется, а слабый, порой, может пересечь океан на плоту, потому что он силен в духе своем, он знает, что ему нужно; и тогда слабый становится сильным, тогда он добивается своей цели! Сила зарождается в борьбе! – Сэйлор угрожающе смотрел на Вашингтона.

– Я верю вам! Я дам вам людей, но не больше полутора сотен. Куда им нужно прибыть?

– В девять вечера, в порту. Я найму корабль до Бреста...

– Не стоит. Я предоставляю вам корабль.

– Спасибо, мистер Вашингтон! Чем я могу отплатить вам?

– Вы отплатите мне уничтожением английских военных кораблей, патрулирующих наше побережье, – Вашингтон вопросительно смотрел на Сэйлора.

– Конечно, сэр! Прощайте!

...Вечером корабль со ста пятьюдесятью моряками ушел в Брест. Джордж Сэйлор и Робер де Брильяр, воссоединившись, продолжили свое путешествие.

Бостон

...Бостон соединялся с «большой землей» узким перешейком. Тогда его еще никто не расширял. Поэтому Бостон был великолепно защищен с суши. Поперек перешейка располагалось несколько линий обороны. Они представляли собой каменные укрепления достаточной высоты и ширины, чтобы из девяти – двенадцатифунтовых пушек их было трудно разрушить. Единственная дорога вела в город через эти стены. В начале Войны за независимость губернатор Гейдж расширил и укрепил оборону. Стены получили название «линии Гейджа». Когда Континентальная армия все-таки взяла город, эти стены стали служить надежной защитой уже для патриотов. Но гарнизона теперь не хватало. Однако, «красные мундиры» не предпринимали атак на Бостон, но если бы захотели, то легко бы взяли его. У Континентальной армии не хватало солдат, чтобы адекватно снабжать гарнизонами фортификационные сооружения.

Джордж Сэйлор и Робер де Брильяр въезжали в Бостон на лошадях, выданных Вашингтоном, и предъявляя по требованию пропуска, которые были получены от него же. Также Робер получил ружье при встрече с Вашингтоном вечером, во время отправки корабля в Брест. Так что теперь де Брильяр ехал одетым в мундир, без головного убора, вооруженный абордажной саблей и ружьем. Что касается Сэйлора, то в его одежде и экипировке ничего не изменилось. Вот только если раньше он не мог использовать шпоры своих сапог по назначению, то теперь он с лихвой отплатил за это несчастному коню. Лошади были хорошими иноходцами: у Сэйлора – вороной масти, а у де Брильяра – бежевого окраса. Вот такая, читатель, антитеза. Оба всадника великолепно держались в седлах, но Сэйлор... Сэйлор будто родился в седле. После продолжительных наблюдений в ходе поездки, Робер установил, что Джордж и его конь, похоже, есть единый организм. Скакун, казалось, читал мысли Сэйлора. Ни разу у всадника не возникло конфликта с конем. Де Брильяр со своей несчастной лошадью вечно плелись в хвосте.

И сейчас, когда Сэйлор восседал на гарцующем коне у ворот последней оборонительной линии Бостона, извлекая пропуск, выписанный Вашингтоном, де Брильяр только подъезжал к нему на лошади, идущей усталым аллюром.

У ворот Джорджа и Робера в который раз остановили:

– Стой! Кто идет? – один из шести солдат внизу, у ворот, сделал останавливающий жест. Солдаты на стенах продолжали беспечно дырять взглядом воздух, хотя, по мнению Сэйлора, они должны были взять его и его спутника на прицел.

– Человек идет, вот кто! Даже два!

– Сойдите с лошади! – солдат показал на землю.

– У прошлых ворот такое требование мне выдвигал офицер! Поэтому я требую офицера, – Сэйлор делал свое обычное дело, а именно: сверлил взглядом бравого вояку.

– Или вы двое подчинитесь, или мы откроем огонь!

– А вашей стрельбой, как и охраной ворот, должен командовать офицер! – Сэйлора не пугали никакие угрозы.

– Товсь!!!

– Только не делай вид, что ты сейчас взмахнешь рукой.

– Последнее предупреждение! – полторы дюжины солдат взяли Сэйлора и де Брильяра на прицел. – Пли!

Раздался залп... Робер де Брильяр мысленно распрощался с жизнью и инстинктивно резким рывком пригнулся... Каково же было его удивление, когда он выпрямился и обнаружил, что жив. Он взглянул на Джорджа, ожидая увидеть его лежащим на земле, но увидел его, сидящим на коне. Тот обращался к солдату:

– Хороши ваши стрелки!...

– Что происходит?! – в воротах появился офицер, а за ним еще группа кавалеристов. Их было всего человек двадцать. При появлении этого отряда, солдаты у ворот окончательно растерялись. Не растерялся Сэйлор. Он подъехал к Роберу и указал ему на офицера. Тот понял и взял его на прицел. Де Брильяр догадывался, но не был уверен в том, зачем устроен этот спектакль.

– Положите оружие, иначе монсеньер маркиз Жильбер де Лафайетт будет убит. А сам монсеньер соблаговолит увидеть пропуск, выданный мне и моему спутнику, вашему соотечественнику, мистером Вашингтоном, – и Сэйлор приблизился к Лафайетту, описание которого нас сейчас и займет.

Жильбер де Лафайетт был ростом чуть ниже Вашингтона. Он носил светло-голубой мундир с золотой окантовкой и пуговицами. Его головной убор представлял собой не треуголку, а шляпу-лодку, похожую спереди на рыбу-парусник. На Лафайетте были сапоги со шпорами, черный цвет которых являл полную противоположность белым штанам. Коричневый конь маркиза подозрительно озирался и фыркал в то время, когда его хозяин читал бумаги Сэйлора. Лафайетт имел вытянутое лицо с острым, но не до крайности, подбородком, и впалыми щеками. Седые волосы выбивались из-под шляпы. Костлявые кисти сжимали поводья. Типичный сухощавый француз.

Наконец, Жильбер поднял глаза. Он увидел внизу солдат, сложивших оружие, наведенный на него ствол ружья де Брильяра, своих растерявшихся кавалеристов и Сэйлора, смотревшего на него в упор. Лафайетт заговорил:

– Зачем вы устроили этот цирк? Ведь у вас двоих есть рекомендации мне от самого Вашингтона! Почему вы не предъявили документы солдатам?

– Они требовали, чтобы мы сошли с лошадей, – говоря это, Сэйлор сделал знак де Брильяру, чтобы тот опустил ружье, – а такое требование должен выдвигать только офицер! А сейчас Робер взял вас на прицел, чтобы эти оголтелые вояки снова не наделали глупостей.

– Начальник этой линии обороны со мной. Вы уж извините их, за доставленные неудобства. Хотя и вы перемудрили!

– Монсеньер маркиз торопится?

– Вообще-то, да. Но для вас найду уж минутку!

– Куда направляется монсеньер?

– В Монмут.

– Стало быть, нам придется вас немного проводить, – Сэйлор перешел на французский, – И не забывайте, что у меня есть спутник по имени Робер де Брильяр. Но, похоже, он слишком стеснен вашим присутствием. Ну так что: в путь?

– Если вы так желаете – мы повинемся!

– Чтобы монсеньер маркиз нам повиновался? Мне кажется, мы еще не доросли до этого!

– Да ладно вам! Хорошо, выдвигаемся! Господа, вперед! Поезжайте рядом со мной, Джордж, а вы, Робер, с другой стороны.

– Для меня это слишком большая честь, ехать рядом с великим маркизом де Лафайетт!

– Это приказ! – слова Лафайетта поддержал, взглядом, Сэйлор. Они поехали: Джордж – справа, а де Брильяр – слева от маркиза. Сзади шел отряд из восемнадцати кавалеристов и сорока пеших солдат Континентальной армии.

Джордж и Робер снова проезжали через «линии Гейджа». Сэйлор ждал их окончательного выезда из города, чтобы начать говорить:

– Монсеньер, а вам не кажется, что вы взяли слишком мало людей – раз; и два – лучше бы взяли только кавалерию: смогли бы доехать быстрее.

– Во-первых, мистер Сэйлор, эта кавалерия – вовсе не кавалерия, а всего лишь конница, а во-вторых, эта пехота идет в Конкорд. А что касается численности: да, этих вояк англичане

перебьют в два счета, – тройка всадников в это время была в середине колонны: позади конницы и впереди пехоты так, что гордые американские вояки не слышали слов маркиза.

– Монсеньер маркиз, обращайтесь ко мне «монсеньер», а не «мистер», если вам угодно, – для де Брильяра, слышавшего слова Сэйлора, это было верхом наглости и самоуверенности, – И еще, я чувствую, что на нас скоро нападут, а у меня нет ружья...

– Вы чувствуете, что на нас нападут?! Вы действительно накликаете беду! Да и к тому же, зачем вам ружье, если у вас есть два пистолета и сабля?

– А все-таки, монсеньер, я настаиваю на предоставлении мне ружья: в бою я смогу тогда уложить трех противников пулями, плюс два на долю де Брильяра и один на вашу. Шесть убитых врагов уже хорошо, а потом мы, то есть вы, если конечно изволите, поведем в атаку кальвинистскую конницу – потомков обиженных на англиканскую церковь пуритан. Двести лет назад кальвинистская кавалерия Франсуа Валуа – герцога Анжуйского и Брабантского, графа Фландрского и принца Французского, наследника престола – так вот эта кавалерия гугенотов творила чудеса в битве за Антверпен. Кстати, вы должны знать об этом больше, чем я, – Сэйлор закончил говорить, когда они въехали в достаточно глухой лес, едва ли не идеальный для засады.

– А что вы, мсье, мистер, мейнхейр, исповедуете? – Лафайетт взглянул на Сэйлора.

– Атеизм, – Джордж ответил холодно, не глядя в сторону маркиза, а даже наоборот, осматривая лес, справа от дороги, – Так вы предоставите мне ружье?

– Возьмите уже у того барабанщика! Эй, вы там! Пусть барабанщик передаст сюда ружье! А вы, мсье де Брильяр, конечно католик? – Лафайетт заинтересовался вопросами религии.

– Может, для вас это оскорбительно, маркиз, но этот вопрос меня обижает, – «Похоже, Робер набрался храбрости говорить так с маркизом», – подумал Сэйлор. – Конечно же, я католик! Как и любой честный лотарингец, я ненавижу протестантскую мораль!

– Помнится, ты говорил мне, что ты из Пикардии?! – Сэйлор косо посмотрел на осмелевшего француза.

– Это потом мы переехали в Пикардию. А родился я в Лотарингии! Я горжусь этим, монсеньер маркиз! – закончил Робер, обращаясь уже к Лафайетту.

В это время внимание Джорджа было привлечено к каким-то движениям в лесу. Джордж направил ствол своего ружья туда. Он внимательно изучал лес, когда, ведомый каким-то неизвестным чувством, Сэйлор посмотрел вверх и увидел англичанина, который целился в Лафайетта со специально подготовленной на дереве площадки. Обычно по таким лазали только индейцы. Джордж вскинул ружье и выстрелил. Британец упал вниз. Маркиз и де Брильяр обернулись, а из леса уже были слышны выстрелы, красные мундиры уже мелькали в чаще, выстраиваясь, даже там, в цепи. Они были и слева, и справа. Сэйлор без слов перекинул ружье за спину и, вынув из ножен саблю, указал Лафайетту и де Брильяру вперед: по дороге на них мчался отряд «зеленых драгунов» – английской кавалерии, которой было вдвое больше, чем конницы патриотов:

– Сейчас мы с Робером должны быть там: пока пехота успешно обороняется, нужно остановить кавалерию! – и Сэйлор, прищипив коня, помчался вперед.

Робер, недолго думая, поскакал вслед за ним. Монсеньер маркиз также, вынув из ножен рапиру, отправился в пекло битвы. Трое всадников, врубившись в центр драгунского отряда, творили чудеса. Сэйлор каждым ударом сабли сбивал с лошади английских кавалеристов или убивал их, сидящих в седле. Робер, впервые оказавшийся так близко лицом к лицу с врагом, ожесточенно рубил в капусту каждого встречного и поперечного, сам едва уклоняясь от ответных ударов. Монсеньер маркиз наносил точные колющие удары, рубящими же движениями своей рапиры он выбивал из рук противника оружие, либо оглушал его. Американские всадники, увидев в центре сражения Лафайетта, приободрились и ударили с новой силой. «Зеленые драгуны» были отлично подготовлены, но, несмотря на численное превосходство, в этот

раз они дрогнули. Потеряв две трети кавалеристов, оставшиеся члены отряда отступили и, при отходе, оставили на поле боя еще пятерых, настигнутых пулями Сэйлора, де Брильяра и Лафайетта.

В это время пехота перешла в рукопашную схватку. И Джордж повел оставшуюся конницу в атаку на «красных мундиров». Именно за Сэйлором пошли конники, а вместе с ними де Лафайетт и де Брильяр. Саблями своих всадников и рапирой (вот где виден французский дворянин) Лафайетта конники быстро смяли и разбили английскую пехоту. В это время Робер де Брильяр, как и раньше, рубил все красное, что видел, в капусту. При этом сам он не погиб только чудом. Сэйлору такое усердие его компаньона в бою не очень нравилось:

– С таким безрассудством, Робер, ты мог бы резать гугенотов в ночь святого Варфоломея! Ты же «добрый католик»! – Джордж смотрел на лотарингца-пикардийца со злой усмешкой. – А в бою ты должен быть осторожен. Ты должен наносить врагу ровно столько ударов, сколько нужно для его смерти. Не больше и не меньше! Ты понял меня, последователь чертовых Гизов?

– Я приму это к сведению. Спасибо за совет! – при этих словах лицо Робера выражало полную искренность, такую, что даже Сэйлор растерялся. Но продолжать этот разговор он не стал.

Джордж осмотрелся вокруг. Англичане отступили или, вернее сказать, сбежали. Патриотов осталось семь человек конных и пятнадцать пеших. «Красные мундиры» потеряли тридцать всадников и порядка полусотни пехотинцев. Неплохой результат для такого маленького столкновения. Сэйлор понимал, что англичане просто были чересчур самоуверенны. Он подъехал к Лафайетту:

– Похоже, теперь вам придется вернуться в Бостон, монсеньер.

– Да уж, видимо так! Эй, мы возвращаемся, стройтесь!

– А еще, монсеньер маркиз, вас предали! Навел «креветок» явно кто-то из своих.

– Да, как ни жаль это признавать! – в это время они уже ехали обратно, – Но тот, кто это сделал, не знал, что здесь будете вы! Ведь именно благодаря Джорджу Сэйлору и Роберу де Брильяру я жив!

– Вы преувеличиваете, мсье!... Кстати, неплохое ружье: ствол длиннее, чем обычно, украшено золотом... Откуда такое у барабанщика? Оно английское! Пожалуй, я оставлю его себе, а вам бы я посоветовал лучше следить за тем, кто сопровождает вас! Благо этот солдат мертв. Он бы еще не раз предал патриотов...

– Интересное умозаключение с вашей стороны... Ну да ладно! У вас есть ко мне дело? – Лафайетт вопрошающе смотрел на Сэйлора.

– Конечно у нас к вам есть дело! Вы ведь не любите англичан?

– Это как посмотреть...

– Посмотрите прямо. Вы ведь не будете мешать, когда их флот будет тонуть, а армия – гибнуть?

– Франция будет способствовать этому!

– Так вот и мы тоже поспособствуем. Когда мой фрегат сойдет на воду, он будет иметь команду из людей, часть которых мы набрали сами, часть нам предоставил Вашингтон, а часть порекомендуете вы! В том числе мне нужны французы, ведь я направляюсь в Брест, чтобы там тренировать команду. Большая ее часть уже там или на пути туда. Как вы относитесь к тому, чтобы помочь мне, то есть нам, пошатнуть могущество Владычицы морей?

Маркиз подумал несколько минут, прежде чем ответить:

– Конечно, я считаю, что вы чересчур самоуверенны, но я вам помогу. Я дам вам людей, порекомендую моряков в Бресте и предоставлю корабль до Франции.

...Вечером корабль с еще пятьюдесятью добровольцами, Робером де Брильяром и Сэйлором с рекомендациями еще сотни матросов отходил из порта Бостона. Джордж и Робер сто-

яли на юте и смотрели на Лафайетта, лично провожавшего их. В это время де Брильяр сказал Сэйлору:

– А что касается Варфоломеевской ночи: да, я бы пошел за герцогом де Гизом, если бы я жил тогда! А вы, сэр?

– За адмиралом Колиньи. Хоть я и атеист, но я помог бы слабым!

«Похоже, этот человек не погнушается убить самого Папу!» – подумал де Брильяр.

Так медленно начали открываться характеры этих двух людей друг другу. В будущем между ними будет еще много споров и недопониманий. А пока они, каждый при своем мнении, шли на корабле в Брест через бескрайние просторы Атлантики...

Брест

Любой корабль при входе в гавань Бреста проходил между несколькими природными препятствиями. Сначала его команде открывался (и сейчас открывается) мыс Сен-Матье – самая западная точка Франции. Затем перед командиром корабля, огибающего с юга этот холмистый берег, предстает узкий проход, ведущий к самому Бресту. Теперь уже кораблю придется обходить мысок, выступающий на север, который и образует столь узкий и мелководный пролив, что капитан должен очень умело пользоваться бризом, чтобы не посадить свой корабль на мель. И после прохода этих опасных препятствий перед моряками наконец расстилается город, расположенный на северном побережье маленького залива.

Таким образом, читатель может судить, насколько эта бухта защищена от всех ветров в том числе и тем, что берега вокруг холмистые, и насколько вход в нее опасен. И Джордж Сэйлор выбрал это место, исходя из нескольких причин: это было во Франции, которая являлась врагом Англии – раз; этот залив идеально подходил для обучения команды – два. Здесь Сэйлор набрал недостающую часть команды – в итоге у него получилось порядка трехсот пятидесяти человек – и начал осуществление своих грандиозных планов. Для начала, он послал де Брильяра в Глазго, чтобы он посмотрел, как идет строительство и написал Джорджу отчет. Только получив ответ от Сэйлора, де Брильяр имел право на вернуться или не возвращаться (в зависимости от времени, которое будет им потрачено), в Брест. Затем Сэйлор отправился собирать всю команду, которая квартировалась в помещениях, найденных доверенным лицом Сэйлора, командиром линейного корабля первого ранга «Аквилон», Лувье де Сен-Луи.

Лувье де Сен-Луи родом происходил из центральных провинций Франции или даже из самого Парижа. Сэйлор этого точно не знал. Зато Джордж знал, что Лувье вырос в одно время с адмиралом графом де Грассом. Когда де Сен-Луи не без помощи де Грасса попал на «Аквилон», матросам он не понравился. Его вспыльчивый, резкий характер и постоянно отпускаемые остроты были больше в духе жителей Беарна и Пьемонта. Однако оказалось, что этот «сухопутный» человек чувствует море. Вскоре матросы изменили отношение к Лувье, не раз выводившему корабль из трудных ситуаций: многие моряки теперь были обязаны ему жизнью. Когда де Сен-Луи стал капитаном, матросы окончательно узнали его: за малейшее проявление «вредного» индивидуализма он нещадно карал, а за проявление «полезного и необходимого» также нещадно поощрял. Моряки учились различать эти понятия, введенные капитаном.

Монсеньер де Сен-Луи жил в отдельном одноэтажном доме в том районе Бреста, который примыкал к порту. Здесь была целая улица таких домов, в которых обитали дворяне, преимущественно – капитаны судов. Тем зимним утром 1780-го года стояла ясная погода. Множество людей на улице удивленно переглядывались и смотрели вслед удивительному человеку, проходившему мимо них.

Этим человеком, как, наверное, догадался читатель, был Джордж Сэйлор. Он привлекал внимание людей своей необычной внешностью. Французы видели человека с явно не французской наружностью, с двумя пистолетами на поясе, ружьем за спиной, саблей на боку, всего увешанного пороховницами и одетого в необычный для здешних людей наряд. Но Сэйлор не обращал на удивленных бюргеров внимания. Он искал нужный ему дом, или, вернее, забор, так как все жилища были обнесены разной высоты и цвета деревянными ограждениями, образовывавшими небольшой участок с уличной стороны дома и, гораздо больший, с дворовой. Наконец, Джордж нашел то, что искал в течение четверти часа на этой улице.

Сэйлор оказался перед полутораметровым белым деревянным забором, доски которого были заострены сверху. Калитка выделялась из ограждения только наличием ручки. Через три метра за калиткой уже было крыльцо, а по бокам от импровизированной дорожки росли цветы.

Слева и справа от крыльца имелось два больших окна, а под треугольной крышей было еще одно, маленькое, чердачное. Кстати, дом был каменным, что в то время не очень ценилось. Стены снаружи покрывались штукатуркой и имели самый чистый белый цвет. Крыша из красной черепицы венчалась широкой каминной трубой, того же оттенка.

Калитка, запертая на задвижку, конечно же не смутила Джорджа. Он перекинул через нее руку и отодвинул щеколду. Однако, несмотря на его обычную бесперемонность, во входную дверь Сэйлор все же решил постучать. Тут же он услышал скрип половиц в доме. Кто-то подошел к двери и спросил голосом де Сен-Луи:

– Кто там?

– Джордж Сэйлор собственной персоной, мсье де Сен-Луи!

– Джордж Сэйлор... А, Сэйлор! Что ж вы?... Входите, дорогой сэ-р-монсеньер!

Дверь перед Сэйлором отворилась, прогремев двумя задвижками. Перед Джорджем предстал человек низкого, даже по тем временам, роста. Он был как раз вровень адмиралу де Грассу. Де Сен-Луи облачался в типичный голубой французский морской мундир, но более насыщенного цвета, нежели у Лафайетта. Носитель мундира не отличался ни плотностью, ни худощавостью: он был среднего сложения с достаточно округлым лицом, обрамленным черными волосами. Над карими глазами также четко выделялись темные, густые брови.

Пока они рассматривали друг друга, Джордж услышал несколько голосов, доносившихся из комнаты, расположенной напротив входа.

– Похоже, мсье Лувье не один дома. Я, наверное, не к месту, и я, видимо, вернусь к вам позже...

– Нет, нет, нет! Мистер Сэйлор, вы как раз очень кстати! Я вас не только не выгоню, но и проведу прямо сейчас в столовую-гостиную, где и познакомлю вас с двумя очень интересными людьми. Несомненно, вы будете благодарны мне за это! – де Сен-Луи повлек за собой Джорджа.

Однако, прежде чем приступить к описанию дальнейшего, мы должны составить читателю представление о жилище монсеньера Лувье де Сен-Луи. Дом этот имел три комнаты и одну чердачную. От входной двери коридор вел прямо, разделяясь в конце перегородкой: справа от нее была лестница на чердак, а слева – вход в гостиную. Примерно на половине длины коридора находились, напротив друг друга, двери в оставшиеся комнаты, окна которых, в отличие от окон гостиной, выходили на уличную сторону. Описание этих комнат нас не займет, так как двери в них были закрыты, а Сэйлор туда и не входил. Дверь в чердачную комнату также была заперта, зато проход в гостиную приветствовал дневным светом. На стенах коридора висело по три светильника с каждой стороны. Также, рядом с входной дверью стояла тумбочка, ничем, однако, не примечательная. Стены во всем доме были окрашены в бежевый цвет. Мебель и двери, однако же, контрастировали со стенами своими достаточно темными оттенками коричневого. Во всех комнатах были постелены ковры.

Джордж Сэйлор, увлекаемый мсье де Сен-Луи, очутился в гостиной. В центре достаточно обширной комнаты стоял тоже не маленький круглый стол, окруженный четырьмя стульями. В углу скучало кресло-качалка. Напротив стола, у стены, был камин, разделявший окна, выходившие во двор дома. В момент появления Джорджа в камине горели поленья: все-таки на улице стояла зима. Стол же был уставлен разнообразными яствами. И, хотя было утро, эти кушанья больше годились для обеда, нежели завтрака. В центре находилась бутылка вина, рядом с которой, на подносе, лежали фрукты (!). Также на столе присутствовала жареная птица, белый хлеб и некоторые другие блюда.

Двое сидели за трапезой.

Один из них был мужчина почтительного возраста, ростом не выше де Сен-Луи, телосложением и вообще многим на него похожий. Этот человек носил морской адмиральский мундир. «Несомненно, – подумал Сэйлор, – это адмирал граф де Грасс».

Вторым человеком была женщина. Ее возраст – не больше двадцати лет. Она носила длинное, до пола, белое платье с узкой талией, перетянутой корсетом. Светловолосая, с живыми глазами и вообще достаточно привлекательной внешностью, она, как и граф де Грасс, устала на Сэйлора, который, как мы уже говорили выше, представлял довольно интересное зрелище.

Некоторое время хранилось молчание, которое прервал де Сен-Луи:

– Монсеньер граф де Грасс, мадемуазель де Монморанси, это монсеньер Сэйлор.

– Джордж Сэйлор к вашим услугам, господа и дамы! – Сэйлор переводил взгляд то на графа, то на де Монморанси.

– Так значит, вы и есть тот самый Джордж Сэйлор? – спросил, вставая и протягивая руку, граф де Грасс.

– Совершенно верно, мсье де Грасс! Рад познакомиться! – Сэйлор пожал руку адмирала.

– Мадемуазель Мари де Монморанси к вашим услугам! – другая рука уже ждала поцелуя Джорджа.

«Монморанси... Знаменитая беарнская фамилия... А недурна эта Монморанси!» – подумал Сэйлор в это время. Он сказал:

– Вы оказываете мне слишком большую честь, господа!

– Да что вы, мистер Сэйлор! – это заговорил де Сен-Луи. – Мы окажем еще большую и усадим вас за стол!

– Нет, нет, нет! Что вы? Я только задам мсье Лувье пару вопросов и удалюсь! Мсье де Сен-Луи, будьте добры...

– Монсеньер, мы просим вас остаться! Будьте добры, сделайте нам честь! – мадемуазель де Монморанси с улыбкой смотрела на Сэйлора.

«Неплохо было бы и сесть за стол...» – подумал Джордж.

– Ну, раз уж вы так просите... Пожалуй, мне придется доставить вам неудобства... – Сэйлор снял ружье, гремя пороховницами, нагнулся и аккуратно, как будто оно из фарфора или хрусталя, поставил его в угол.

– Вы ни за что не доставите нам неудобств, мистер Сэйлор! – де Монморанси снова посмотрела на Сэйлора.

Лувье де Сен-Луи указал Джорджу на место, напротив себя так, что граф де Грасс сидел слева от Сэйлора, а Мари – справа. Монсеньер де Сен-Луи принес Сэйлору прибор, но, когда он собирался поставить его на стол, мадемуазель де Монморанси взяла прибор у Лувье и сама передала его Джорджу.

Читатель, мы думаем, обратил внимание на то, что Сэйлор был окружен женским вниманием. Наверное, читатель подумал, что Джордж, который оценил мадемуазель де Монморанси по достоинству, целуя ей руку, опускался на колено? Нет, конечно, нет! Никогда! Джордж Сэйлор дал себе обещание никогда и ни перед кем не преклоняться.

Итак, Джордж сел завтракать в обществе капитана де Сен-Луи, адмирала де Грасса и, непонятно что здесь забывшей, Мари де Монморанси. Ему налили бургундского вина и это было ошибкой: Джордж терпеть не мог алкоголь. Несколько минут за столом все молча ели, не исключая и Сэйлора. Тишину нарушил Лувье:

– Так что, мсье Сэйлор, побывали вы там, где планировали? Я смотрю, вас долго не было, а кое-кто все же прибыл.

– Конечно я там был! Вы можете судить об этом по прибывшим людям. Теперь, как я понимаю, команда в полном составе?

– Я сделал все в точности! Все готово. Тренировочная площадка готова. Люди ждут.

– Спасибо, мсье де Сен-Луи, я вам премного благодарен, – Сэйлор пристально, как всегда, смотрел на Лувье. – Не желаете ли вы немедленно познакомить меня с моей командой?

– Конечно, но я должен сделать честь графу де Грассу и закончить с ним завтрак. Потом я весь к вашим услугам!

– В таком случае, я буду иметь честь покинуть вас сейчас, чтобы осмотреть тренировочную площадку. Приходите туда, монсеньер де Сен-Луи, как только закончите. До свидания, граф, и вы, мадемуазель! – с этими словами Джордж встал, взял свое ружье, гремя пороховницами, перекинул его через плечо, и направился к выходу.

Выйдя на улицу, Сэйлор отправился в отдаленный уголок порта. Там должна была быть обустроена тренировочная площадка. Через некоторое время, Джордж заметил, что мадемуазель де Монморанси следует за ним, не скрывая себя. Он решил узнать, что ей теперь нужно. Сэйлор свернул в переулок, Монморанси последовала в этот безлюдный проход за ним. В том месте, где переулок делал поворот, Джордж, пройдя еще пять – семь шагов, спрятался за непонятного назначения деревянным забором, который начинался от угла стоявшего тут же трехэтажного дома. Монморанси же шла видимо в полной уверенности, что Джордж идет впереди. Когда она проходила мимо затаившегося Сэйлора, он схватил ее за руку и притянул к себе. Мари уже хотела выхватить кинжал, висевший у нее на поясе, когда увидела, что перед ней сам объект преследования.

– Неплохое оружие ближнего боя! Да... Но вы идете за мной не для того, чтобы убить меня. А как раз для того, чтобы...

– ...Подарить вам этот кинжал, который так приглянулся мсье Джорджу! – Монморанси закончила мысль Сэйлора.

– Как и вы сами, – с этими словами Сэйлор уже пристегивал стилет¹⁰ к поясу.

– С вашего позволения, я пойду за вами, но так, будто мы незнакомы.

– Хорошо, – и, без дальнейших разъяснений, Сэйлор отправился дальше. Мадемуазель де Монморанси последовала за ним.

...На тренировочной площадке Сэйлора и Монморанси ждал сюрприз. Им был какой-то горожанин с саблей наголо. Он явно ждал Сэйлора, размахивая оружием. Когда же он увидел, что за Джорджем идет Монморанси, его лицо озарилось злорадной улыбкой. Этот загадочный человек сам вышел навстречу Сэйлору:

– А вы, мсье, зря ведете за собой эту мадемуазель! Она будет стоять вам жизни!

Сэйлор не смутился ничуть, несмотря на эти слова и угрожающий взгляд незнакомца:

– Уж кто сегодня умрет, так это вы! Если вам жить надоело, продолжайте! – Джордж посмотрел на неизвестного так, что тот отшатнулся. При этом Сэйлор сбросил ружье, вынул и опустил на землю пистолеты.

– Я бросаю вам вызов! – менее уверенно сказал незнакомец.

– Великолепно! Вы сами выбрали смерть! – с этими словами Джордж вынул саблю из ножен.

Неизвестный бросился в бой. Сэйлор стоял, опустив саблю в сторону в развернутой руке. Незнакомец решил, что он первым же ударом убьет Джорджа, так как тот стоит, раскрывшись. Незвестный замахнулся что есть силы, собираясь, видимо, разрубить ключицу Сэйлора и ребра до сердца, замахнулся, и тут же был остановлен железной рукой, в то время как другая рука вогнала саблю в самого неизвестного по самую рукоять. Через мгновение незнакомец упал.

– Вот, – говорил Сэйлор, обращаясь к Монморанси и указывая на убитого, – образец ответственного и честного человека. Хотите узнать его краткую историю? Он был одним из многих, кто любил и любит вас. Но вы не обращаете внимания на людей без происхождения, как он. Вот он и решил проявить себя перед вами. Вы не препятствовали дуэли, а он принял решение – я не в праве его отговаривать и насаждать ему свое мнение. Он ответил за свое

¹⁰ Стиллет – трехгранный клинок.

решение. А вы не питайте, кстати, иллюзий по поводу моего происхождения! И знайте: я убил его не за вас, я убил его, за нанесенное мне оскорбление! Ни одна женщина не стоит того, чтобы за нее умирали!

– Но вы правильно сделали... – глядя в пространство, ответила Монморанси. – Он оскорблял мою честь...

– И я снова повторяю вам: не льстите себе, он оскорблял мою честь в первую очередь, а вашу – во вторую! А вот и мсье де Сен-Луи!

Действительно, в это время подъехал на коричневой лошади Лувье де Сен-Луи. Он спешился и знаком пригласил Джорджа следовать за ним. Сэйлор пошел рядом с Лувье, который вел лошадь под уздцы. Мари де Монморанси осталась стоять в растерянности...

...Менее чем через час три с половиной сотни матросов уже активно тренировались на обширной площадке. Каждый из них был знаком с морем, а теперь оттачивал свои навыки. Здесь было все, что нужно: небольшой корабль-мишень, пушки, в том числе на качелях, имитирующих палубу в шторм (такие Сэйлор видел у адмирала Ушакова), мачты с вантами, реями и парусами, мишени для упражнений в стрельбе из ружей и рукопашной драке. В числе тех, кто осмотрел и остался доволен площадкой, была мадемуазель де Монморанси.

Сэйлор жил теперь у мсье де Сен-Луи. Часто он не приходил на ночь домой. В такие дни, точнее ночи, он сидел на площадке под открытым небом и выполнял какие-то сложные операции со стволом своего ружья. Иногда с ним оставалась Монморанси. Матросы тренировались каждый день. Джордж уже написал ответное письмо де Брильяру, чтобы тот ожидал в Глазго, где все шло как нельзя лучше: корабль строился, завершение ожидалось к концу года.

...Заканчивалось лето 1780-го года, и Сэйлор стал собираться в Глазго – принимать корабль. Мари де Монморанси теперь везде ходила с Джорджем. Он же имел теперь не ружье, а винтовку, с заряданием с казны, два пистолета, с удлиненными стволами, стилет – подарок Монморанси и длинную широкую абордажную саблю. А еще Сэйлор получил команду настоящих профессионалов.

III. Castigo corpus meum¹¹

1780 год, Глазго.

Робер де Брильяр неплохо жил в Глазго. Всем понятно, что квартиры у него там не было. Знакомых тоже не имелось. Из этого следует, что Робер должен был обзавестись знакомыми. Таким образом мы должны доказать читателю, что де Брильяр умел обзаводиться знакомыми.

Итак, приехав в Глазго, де Брильяр, согласно указаниям Сэйлора, отправился в «Фоули Марине». Томас Фоули, конечно же, узнав, что Робер – посланец Сэйлора, принял его с распростертыми объятиями: он сразу же бросил все прочие дела и повел де Брильяра смотреть стапель. На строительстве все шло как нельзя лучше: Фоули торопился, но уверял Робера, что используются лучшие материалы, а работают лучшие специалисты. Томас пообещал окончание работ даже раньше установленного срока. Владелец верфи постоянно спрашивал о здоровье Джорджа Сэйлора, но де Брильяр всякий раз уверял его в том, что тот абсолютно здоров. Однако, начальник «Фоули Марине» не напоил и не накормил Робера. И уж тем более, скупой и жадный Фоули не предложил посланцу Сэйлора никакой квартиры.

Таким образом, Робер де Брильяр был вынужден отправиться вечером на поиски квартиры. На выходе с территории верфи де Брильяра ждала его лошадь. Обычная, ничем не примечательная лошадь. Робер вскочил на коня, но этим все и кончилось: он не знал, куда ему направиться. Поэтому он решил продвигаться к центру города, посматривая по сторонам и, при удобном случае, расспросить понравившегося человека о возможности найти квартиру. Глазго был в то время типичным английским городом с недостаточно широкими улицами и достаточно грязными переулками. Этот город разительно отличался от того, что де Брильяр видел в Америке. Но не от удивления поглядывал Робер по сторонам, проезжая шагом по улицам Глазго: он опасался, что его здесь ищут и узнают, хотя его собственный внешний облик вроде бы достаточно изменился. В то же время де Брильяр хотел увидеть человека, с которым, по его мнению, можно было бы поговорить; увидеть среди пьяных шаек бездельничающих моряков, ободранных попрошаек и самодовольных торговцев. Однако же этот человек не заставил себя и Робера долго ждать, хоть и явился он в слегка необычном виде.

Робер остановился на одной из улиц, ближе к центру города. Он уже вроде как присмотрел человека, которого можно было бы, на его взгляд, разговорить, как вдруг его внимание привлекла карета, которая неслась, запряженная тройкой белых коней, прямо на де Брильяра. Да, да, именно неслась, неслась по центру оживленного города, заставляя людей шарахаться в стороны. Кучер, одетый достаточно богато, чтобы была видна его принадлежность к знатым господам, щедро оплачивающим его труд, то и дело погонял лошадей, хотя гнать быстрее было уже немислимо. Сама карета была по тем временам достаточно богатой: с черным фоном ее окраски контрастировали сверкающие полоски золота, окаймлявшие двери и окна, золотые львы красовались на ее бортах.

Де Брильяр удивленно смотрел на этот, несущийся на него экипаж, продолжая стоять посреди дороги. Но если сам француз не поддавался инстинкту самосохранения, то его конь поддался. В едва ли не самый последний момент лошадь шарахнулась в сторону так, что всадник от неожиданности еле удержался в седле. В следующий миг экипаж пронесся мимо так быстро, что никто не успел бы увидеть его пассажира или пассажиров. Никто, но не Робер. На секунду перед ним мелькнуло женское лицо. В дальнейшем де Брильяр руководствовался в своих действиях внутренним голосом, который подсказывал ему, что он должен проследовать за этой женщиной. И Робер, не скрываясь, погнал коня за проехавшей каретой.

¹¹ (ЛАТ) НАКАЗЫВАЮ ТЕЛО СВОЕ

Экипаж, а за ним и де Брильяр постоянно сворачивал с улицы в улицу, будто кучер хотел, чтобы француз отстал. Но Робер не отставал. Как результат погони, де Брильяр увидел двухэтажный дом на окраине города, у которого уже ненавистный Роберу экипаж остановился, и кучер (!) вывел молодую черноволосую женщину из кареты. Де Брильяр наблюдал за этим из-за угла. Каково же было его удивление, когда кучер погнал лошадей дальше, только высадив неизвестную. Но все же, Робер де Брильяр не был Джорджем Сэйлором, чтобы находить странности сплошь и рядом: он решил, что кучер его не заметил, в то время как Сэйлор увидел бы в этой ситуации хитрость, ловушку.

Итак, Робер направился к дому. Он не знал твердо своих намерений, он поддавался какому-то влечению, что и отличало его от Сэйлора, всегда руководствовавшегося только своим умом и здравым смыслом, хотя имевшего и некую долю авантюризма, в то время как у де Брильяра этого авантюризма было хоть отбавляй. Дом, к которому теперь направлялся француз, представлял собой двухэтажное коричневое здание с восемью окнами (довольно большими) на фасаде (по четыре на каждом этаже). Широкая терраса переходила на втором этаже в балкон, обильно украшенный резьбой по дереву, и как бы служила ему опорой. На террасе стояло два стула, по бокам от входной двери. Серый деревянный забор ограничивал участок, в центре которого и находился вышеописанный дом.

При приближении к забору, де Брильяра встретил лай собаки, скрывавшейся в конуре, одну из стен которой заменял забор. Однако Робер уже отворял калитку, ничуть не напуганный этим лаем, и, делая шаг внутрь участка, увидел, что навстречу ему из дома уже идет та женщина, что сидела в карете. Она была примерно одного с ним возраста и чуть ниже ростом. Длинные черные волосы окаймляли ее открытое и прямое лицо, в противоположность хитрой улыбке Монморанси. Одета как и подобало богатым дамам того времени, она подошла к калитке, у которой стоял де Брильяр, и успокоила собаку:

– Тише, Мартин, тише! Вот так... А теперь: чем я могу служить вам, сэр? – этот вопрос был направлен к Роберу.

– Извините мне мою наглость, но я просто ищу квартиру. Я приехал издалека по важному делу, но здесь я узнал, что мне больше нигде жить в Глазго: мой старый знакомый скончался. Но теперь я могу идти дальше!

– Никуда вы идти не можете! Даже не думайте об этом! – такой оборот событий был неожиданным, но желанным для француза.

– Но мис...

– ...сис Брайан...

– Миссис Брайан, но ведь я доставлю вашей семье страшные неудобства своим присутствием в этом доме. Тем более, что мое пребывание в Глазго затягивается до конца года. Я никак не могу остаться у вас!

– Как вас зовут?

– Робер де Брильяр.

– Так вот, Робер, вы не доставите неудобств одинокой женщине, муж которой недавно уехал в Индию и не скоро вернется. Кроме того, при вашем большом желании, вы сможете помочь нам вести хозяйство в этом доме.

– В таком случае мне придется принять великую честь служить вам! – сказал де Брильяр, двусмысленно глядя на миссис Брайан.

– Конечно. Следуйте за мной.

Робера ввели в просторный дом. Входная дверь его открывалась сразу в большой зал. В центре зала стоял огромный овальный стол, окруженный шестью стульями. В двух углах помещения, прилежащих к внешней стене, стояли кресла, а два других угла пустовали. Прямо против входа находилась широкая, больше подходящая для дворцов, лестница во второй этаж. Вся мебель была изготовлена из дорогих пород дерева и вырезана искусными мастерами. Пол

покрывал огромный ковер. На всех стенах были обои, которые прерывались дверьми в две другие комнаты, находящимися напротив друг друга в боковых стенах. Сейчас эти двери были наглухо закрыты. Во втором этаже, подняться на который можно было по двум лестницам, находившимся по бокам от первой – широкой, и являвшимся ее продолжением, все было расположено совсем иначе. Коридор, примыкавший к внешней стене с ее большими окнами, образовывал как бы галерею, а входы в еще две комнаты, окна которых выходили во двор, находились по бокам от лестницы. Выход же на вышеупомянутый нами балкон располагался прямо против лестницы. На стенах коридора висело две картины.

Когда Робер де Брильяр входил в этот великолепный, роскошный дом, он еще не знал, что связывает с его обитателем жизнь...

...Начало декабря 1780-го года. Акватория порта Глазго. У стапелей верфи «Фоули Марине» стоял, уже спущенный на воду, корабль. Пятидесятиметровый фрегат, тридцать две пушки которого находились на гондеке¹², двенадцать на опердеке, две смотрели прямо по носу, а две – прямо по корме. Корабль был выкрашен в стандартную черно-белую расцветку. Его мачты несли по четыре яруса парусов. Три кливера¹³, пять стакселей¹⁴, и трисель¹⁵ на бизани дополняли парусное вооружение. При необходимости, можно было установить лисели¹⁶ на марсели¹⁷ и брамсели¹⁸. Под бушпритом¹⁹ также имелся блинд²⁰. Сам корпус корабля был произведение искусства. Корма, выполненная в богатой золотой отделке, ярко сияла на солнце. Вообще гладкие и обтекаемые формы корпуса фрегата, на корме которого не было названия, сами говорили за его скорость.

Корабль стоял, пока, у пристани. Томас Фоули уже нагрузил его всем необходимым. Сэйлору оставалось только все тщательно проверить. Это он поручил Роберу де Брильяру и штурману Роберту Борку. Конечно, они работали не одни. Три с половиной сотни матросов занимались все чем-то важным: закрепляли снасти, орудия, подтаскивали ядра и порох на гондек – могло статься, что боевое крещение фрегата случится и сегодня. Джордж Сэйлор в это время стоял на берегу, как всегда заложив руки за спину, в своей обычной одежде и при полном вооружении. Он разговаривал с Томасом Фоули:

– Я смотрю, вы хорошо сработали, Томас!

Фоули в этот день был при параде. Это выражалось в том, что свою обычную чудаковатую одежду он почистил и постирал. Он ответил, обиженно:

– Этот корабль – лучший в мире. Ему нет равных в быстроходности среди фрегатов и линейных, а может и корветов. Любой торговый корабль проиграет в гонке с ним – я за это отвечаю. Лучшие мастера строили его из лучшего дерева, которое есть не только в Англии, но и в мире, – декларировал владелец «Фоули Марине» своим, не самым приятным, голосом. – Да вы будете в восторге от этого корабля! Тем более такой хороший, великолепный моряк, как вы, найдет ему достойное применение!

– Вы можете в этом не сомневаться, мистер Фоули!

– Да уж... Тем более этот контракт меня – я надеюсь на вашу честность – озолотит?

«Этот человек постоянно думает только о деньгах», – подумал Сэйлор, усмехаясь, но вслух он сказал:

¹² Гондек – главная оружейная палуба на парусном корабле.

¹³ Кливер – косой парус, натягиваемый между фок-мачтой и бушпритом.

¹⁴ Стаксель – косой парус, натягиваемый между мачтами.

¹⁵ Трисель – трапециевидный парус, устанавливаемый вдоль корпуса корабля.

¹⁶ Лисель – продолжение паруса, которое выносится за пределы реи.

¹⁷ Марсель – второй снизу парус.

¹⁸ Брамсель – третий снизу парус.

¹⁹ Бушприт – продолжение корпуса, если хотите – «косая мачта» на носу.

²⁰ Блинд – прямой парус на рее под бушпритом.

– Ну мы же с вами честные люди, мы заключили договор, мы выполняем условия. Так ведь, мистер Фоули?

– Конечно, я и утверждаю то же самое! Ведь вы, мистер Сэйлор, лучший человек из всех, кого я встречал! – при каждой похвале Джорджу Фоули кланялся.

– Сэр Томас предпочитает золото или ассигнации?

– Конечно, предпочтительней золото. Но если мистер Сэйлор...

– Нет, нет, нет! Я все продумал правильно. Эй, штурман! Принесите груз!

Меньше чем через минуту Роберт Борк появился и положил к ногам Сэйлора и Фоули внушительных размеров мешок:

– Вот он!

– Спасибо, Роберт! – штурман удалился, а Джордж наклонился и стал развязывать мешок, – Здесь все. Двести процентов стоимости. Помнится, договор был именно таким, – говорил Сэйлор, поднимая раскрытый мешок.

Фоули выхватил из рук Сэйлора суму, поставил ее на землю, точнее, на настил пристани, встал перед ней на колени (!) и стал разглядывать содержимое, вынимая золотые монеты горстями, пробуя их наощупь и на нюх. Сэйлор смотрел на все это с усмешкой, качая головой. Томас Фоули же ничего не видел и не слышал, он не поблагодарил Сэйлора за соблюдение условий договора – он просто копался в золоте с улыбкой на лице и широко раскрытыми глазами.

Джордж не стал выставлять охрану у входа на верфь «Фоули Марине», так как это, по его мнению, только привлекло бы внимание людей и властей. И вот теперь Сэйлор увидел результат своих действий – к сходням подошла женщина, закутанная в плащ. Джордж, находившийся в двух шагах от нее, преградил ей дорогу:

– Кто вы?

– Меня зовут Элизабет Брайан, – ответила женщина, пряча лицо.

– Что вы здесь делаете?

– Я не обязана отвечать на ваши вопросы! Кто вы вообще такой? – говорила миссис Брайан с возмущением.

– Здесь задаю вопросы только я! Спросите у любого из этих людей, – говорил Сэйлор, указывая на корабль, – и они вам ответят, кто здесь главный! Итак, зачем вы пришли?

– Я пришла к одному человеку...

– У человека есть имя? – задавая этот вопрос, Джордж уже догадывался, о ком идет речь.

– Я не могу вам его сказать...

– Тогда вы отсюда не выйдете, – совершенно спокойно ответил Сэйлор.

– Хорошо... Его зовут... Робер де Брильяр, – сказала миссис Брайан, сдаваясь.

– Великолепно! Даете слово не бежать?

– Даю.

– Отлично! Я полагаюсь на ваше слово. Ожидайте! – и Сэйлор быстро взошел на корабль.

На борту он приказал отыскать Робера и передать ему приказ подняться на марс-площадку грот-мачты²¹ немедленно по получении приказа. Сам Сэйлор сейчас же поднялся на вышеупомянутую площадку и взял на прицел винтовки миссис Брайан, которая послушно стояла внизу. Через пару минут к Сэйлору присоединился де Брильяр.

– Ну что, Робер! Миссис Брайан ожидает тебя.

– Я не знаю никакой миссис Брайан, сэр, – ответил де Брильяр, смотря на Сэйлора.

– Неужто! А как ты тогда объяснишь, что она знает тебя, и что она стоит здесь у сходни? Вон она! – Джордж продолжал держать ее на прицеле.

²¹ Грот-мачта – вторая от носа, главная мачта корабля.

– Значит, она следила за мной! Я ничего ей не говорил! Это точно. Что я должен ей сказать? – Робер в растерянности смотрел на Сэйлора.

– Ты взрослый человек, де Брильяр, и ты спрашиваешь у меня, что сказать женщине?! – Джордж возмущенно смотрел на помощника. – Как впутался, так и выпутывайся! Но помни, что она либо уйдет отсюда немой, как рыба, либо вообще не уйдет! И еще: ты сначала моряк, а потом все остальное!

– Я все понял, – и де Брильяр стал спускаться вниз.

Сэйлор спустился вслед за ним. Робер подошел к Элизабет Брайан и стал говорить с ней о чем-то, а Джордж наблюдал, облокотившись на фальшборт²². Через пару минут де Брильяр закончил свой диалог и утвердительно кивнул головой Сэйлору. Джордж спустился к Роберу, когда миссис Брайан ушла:

– Ну?

– Она ничего не скажет. Я уверен.

– Посмотрим. Можешь идти. Я вижу, мистер Фоули закончил подсчет денег.

В это время к Сэйлору действительно подходил Фоули, неся с собой мешок с золотом:

– Все верно! Вы самый честный из всех, кого я встречал! А теперь разрешите мне удалиться, сэр. У меня что-то голова кружится.

– Хорошо, мистер Томас, идите! – сказал Сэйлор с усмешкой на лице...

...В вечерних сумерках фрегат без названия выходил из порта Глазго...

...Спустя неделю, в Глазго был похоронен владелец судоверфи «Фоули Марине» Томас Фоули, который умер из-за какой-то неизвестной болезни, поразившей слизистые оболочки...

...А фрегат без названия в это время уже бороздил просторы Атлантики. Но все-таки капитан Джордж Сэйлор дал этому, действительно быстрейшему из всех фрегатов название. Название, отражавшее суть существования этого корабля и национальную принадлежность его команды. Это название не было нигде зафиксировано, но вскоре, об этом корабле узнал весь мир. «Independent» – «Независимый» – вот его имя.

²² Фальшборт – продолжение борта выше опердека, своего рода поручень.

IV. In limine...²³

1781 год, Атлантический океан – Чесапикский залив.

Чесапикский залив... Узкий вход, повернутый на юго-восток и хорошо защищенный косой или полуостровом – как вам угодно. Водное пространство, вдающееся в сушу на три сотни километров и образованное расширяющимся устьем реки Саскуэханна. В залив несет свои воды и еще одна знаменитая река – Потомак. В восемнадцатом веке не так уж много населенных пунктов располагалось по берегам залива. Но один из этих немногих, расположенный прямо против устья залива, а не в его глубине, приобрел, впоследствии, мировую известность – Йорктаун.

Вообще весь вид залива, изрезанного мелкими бухточками с вкраплениями островков, наталкивает на мысль о его ледниковом происхождении.

Так вот Йорктаун располагался на мысе, между вышеупомянутыми мелкими бухточками. Таким образом, город было легко осаждать с суши и снабжать с моря. Сам городок был маленьким, но играл важную роль, являясь тогда единственным населенным пунктом на входе в Чесапикский залив и, соответственно, крепостью, контролирующей этот вход. И именно здесь, под Йорктауном, решалась в 1781-ом году судьба Америки. От исхода битвы под Йорктауном зависела судьба не одной или двух стран, а, может быть, половины мира. Победа Континентальной армии означала бы победу США в войне за независимость и, как следствие, усиление английского гнета в других колониях и расширение империи Владычицы морей в Азии и Африке; как дальнейшее следствие – новые войны между странами Европы и жителями вышеупомянутых колоний, как промеж собой, так и друг с другом, а может и все вместе. Победа же англичан под Йорктауном могла означать сведение на нет всех усилий американского народа в войне за независимость.

Поэтому победа в этой битве была важна для обеих сторон. Но Континентальная армия находилась на суше, а «красные мундиры» под Йорктауном снабжались с моря. Американский флот был слишком слаб, чтобы противостоять английскому. С целью стабилизации обстановки у восточного побережья Северной Америки, монсеньер маркиз Жильбер де Лафайетт попросил помощи французского флота в лице адмирала графа де Грасса. Монсеньер граф де Грасс согласился и вывел линейный флот в море. Адмирал еще думал по поводу того, куда отправиться, но в результате он предпочел Чесапик Нью-Йорку. Де Грасс не ошибся. Английский флот принял вызов. Две эскадры встретились у устья Чесапикского залива. Но не только сорок линейных кораблей с двух сторон сошлись здесь...

Ранним утром из достаточно густого и низкого тумана к устью вышеупомянутого залива подходил корабль. Это был фрегат. Не просто фрегат – воплощение совершенства. Но в густом прибрежном тумане грация и красота судна была незаметна. Никаких опознавательных знаков тоже имелось возможности обнаружить. Силуэт этого корабля был единственным в море тумана: ни одной другой мачты больше не было видно вплоть до горизонта. Пользуясь утренним бризом, неизвестный фрегат входил в устье Чесапика. Вполне возможно, что ни один человеческий глаз не наблюдал входа этого величественного и прекрасного корабля в узкий и скалистый залив. Но теперь мы должны перенестись на самый фрегат.

Джордж Сэйлор стоял на палубе бака²⁴, опершись на фальшборт широко расставленными руками, и смотрел вперед. По его лицу казалось, что капитан внимательно всматривается в пространство, хотя в таком густом тумане видимость на уровне опердека не превышала полторы

²³ (ЛАТ) В НАЧАЛЕ...

²⁴ Бак – палуба на носу корабля.

сотни метров, и, чтобы увидеть объекты, находящиеся вдаль, нужно было наблюдать с марсплощадки на уровне брам-реи²⁵, чем и занимались сейчас впередсмотрящие. Сэйлор же стоял здесь в ожидании своего первого помощника. Несколько минут спустя, объект ожидания Джорджа появился около него:

– Первый помощник Робер де Брильяр прибыл по вашему приказанию!

– Расскажи мне мой план, Робер, – сказал Сэйлор, не оборачиваясь.

– Я, конечно, не могу утверждать с полной уверенностью, но я считаю, что ваш план заключается в желании не выпускать некоторые английские силы, находящиеся в заливе, дабы они не ударили в спину флоту де Грасса. Но мое личное мнение таково, что в заливе, то есть под Йорктауном, британских боевых кораблей нет! – де Брильяр говорил это с твердой уверенностью в голосе.

– Пройдемся на ют, Робер, – Сэйлор говорил это так, будто его мысли были где-то в другом месте. Но это было не так.

До палубы юта они дошли молча. Там капитан и помощник направились к штурману – Роберту Борку. Он стоял у штурвала.

– Как дела, Борк?

– Все нормально. Идем вроде как хорошо, согласно картам – они пока, похоже, не врут, – при этих словах штурман продолжал смотреть в непроглядный туман.

– Не переживай, Борк, эти карты – лучшие. Видишь остров справа? – Сэйлор взглядом указал в нужном направлении. Там действительно из тумана выглядывала внушительных размеров скала.

– Да, вижу.

– Мы встанем на якорь с этой стороны, – капитан жестом показывал, как именно они встанут. – Так, чтобы корабль не был виден со стороны Йорктауна.

– Но, сэр, это невозможно! – голос подал де Брильяр, который стоял позади Джорджа.

– Я слышу, ты усомнился в возможностях нашего штурмана и этого великолепного корабля?! Может, ты сам встанешь за штурвал? Мы охотно предоставим вам такую возможность, не так ли, мистер штурман? – Сэйлор говорил все это, повернув голову к Роберу лишь наполовину, и глядя на него как бы искоса.

– Все нормально, сэр, не пугайте мсье Робера, – говоря это, штурман уже положил штурвал направо. – Мы все сделаем по высшему разряду!

У Роберта Борка слова с делом не расходились. Через четверть часа «Независимый» стоял, бросив якорь, на вышеупомянутой позиции. Корабль располагался так, что при всем желании англичане из Йорктауна и находящихся там кораблей не смогли бы увидеть хоть и верхушку мачты «Независимого». При снятии с якорей британские корабли также не были бы стеснены присутствием неизвестного фрегата, пока он не оказался бы у них на траверзе²⁶. Но подставляться под бортовые залпы фрегатов противника в первом же бою не входило в планы Сэйлора. У него был свой план, во многом основанный на патриотических чувствах американской и, соответственно, большей части его команды, который он изложил на совещании офицеров, созванное им около полудня.

Оно проходило в кормовой галерее. За эллипсовидным столом сидели: первый помощник Робер де Брильяр, главные канониры, командир абордажной команды и командир стрелков. Перед ними лежала карта Чесапикского залива, а со стен галереи на них смотрели фонари. Джордж Сэйлор стоял, склонившись над картой, и объяснял присутствующим суть своего плана:

²⁵ Брам-рея – третья снизу рея, к которой крепится брамсель.

²⁶ На траверзе – то есть перпендикулярно ходу корабля.

– Мы здесь стоим так, что если их фрегаты будут выходить из залива, а мы будем недвижимы, они уничтожат нас бортовыми залпами. Чтобы этого не допустить, я выслал на камни у этого острова дозорных – они предупредят нас о приближении двух фрегатов из залива. Получив сигнал, я выведу корабль из укрытия, преградив дорогу британцам. В таком случае они смогут выйти из залива только через наш труп, а против наших двадцати двух пушек правого борта у них будет всего четыре. Мы не дадим им развернуться, выпустив в их сторону несколько десятков книпелей²⁷ и разрушив рангоут и такелаж. После этого я планирую один британский фрегат уничтожить ядрами в упор, а команду второго смести картечью и пулями наших снайперов-стрелков, чтобы побудить англичан оставить корабль даже без абордажа. Английские торговые корабли вообще не представляют для нас угрозы – мы поступим с ними по нашему дальнейшему усмотрению. Вы скажете: а как же британский линейный флот? Его атакует у устья залива граф де Грасс. Но мы здесь сами по себе, и помогать потом или не помогать флоту адмирала – это наше дело. В данном случае мы тоже поступим по ситуации. После завершения операции, я считаю необходимым немедленно покинуть залив и направиться на юг или юго-восток. Целью операции, в том числе является захват дополнительных припасов. А теперь, поднимите руки те, кто согласен с предложенным планом.

Все присутствующие подняли руки, не говоря ни слова. Сэйлор быстрым взглядом окинул помещение и сказал:

– Отлично! Принято единогласно. Совещание окончено!

Через минуту в галерее остался только один капитан.

Во второй половине дня адмирал граф де Грасс атаковал британский линейный флот у устья Чесапикского залива. Французы превосходили англичан по численности, но не по количеству пушек. Сражение линейных эскадр длилось более трех часов. Его исход был не ясен, но стратегическую победу одержали французы. Британский флот потерял три корабля тяжело поврежденными и уничтоженными. Однако, несмотря на то, что французы понесли схожие потери, англичане отступили от залива и прекратили снабжение своей армии под Йорктауном. Это, в свою очередь, привело к полной победе Континентальной армии над основной частью «красных мундиров», хотя до официального окончания войны за независимость оставалось еще два года. Только в 1783-ем году Великобритания признает самостоятельность США. Новое время начнется тогда для американского континента. Мы и сейчас видим последствия битвы под Йорктауном. Результат ее – одна из сверхдержав, которая вершит судьбы мира. Но, я думаю, читателя сейчас не очень интересует натуральная история и наши отступления от повествования. Вернемся же к нему.

Джордж Сэйлор выслал двух наблюдателей на камни у острова, за которым укрылся «Независимый». Эти два матроса должны были подать сигнал, как только они увидят, что британские фрегаты снимаются с якоря. Этим сигналом являлся взмах правой руки, который было отлично видно с «Независимого». Поэтому, как только до слуха Сэйлора донеслась канонада сотен орудий противоборствующих линейных флотов, он привел свою команду в готовность номер один. Все встали на свои места. Орудия правого борта были заряжены книпелями. Все теперь застыло в ожидании боя. Это ожидание нервирует людей. Люди уже рвутся в драку, а ее все нет. Но, к счастью, в данном случае бой пришел быстро.

Буквально через несколько минут после начала основного сражения матросы-наблюдатели просигналили о том, что два английских фрегата снимаются с якоря. Капитан Сэйлор, видя это, приказал также сниматься с якоря и начинать ставить паруса. Наблюдатели продолжали оставаться на своих позициях, чтобы теперь сообщить о моменте, когда «Независимый» должен был выйти из укрытия, преградив дорогу британским фрегатам. Конечно, оставлять наблюдателей на голых камнях этого острова, ничем не замаскированных, было рис-

²⁷ Книпель – два ядра, соединенных цепями, для разрушения рангоута и такелажа.

кованно. Но Сэйлор рассчитывал на то, что англичане не подозревают об их присутствии и, соответственно, не будут осматривать берега в подзорные трубы, да и невооруженным глазом сильно вглядываться не станут. Скоро наблюдатели подали второй сигнал, который выражался во взмахе правой рукой слева направо и означал «пора!».

Моментально были поставлены недостающие паруса, и «Независимый» вышел из своего укрытия, перерезав путь фрегатам Его Величества. Эти два корабля были не такими большими, как «Независимый» и вместе несли не более шестидесяти четырех пушек, но если бы они были повернуты к «Независимому» бортом, то значительно превосходили бы его в огневой мощи. Но их командиры, как и ожидалось, ничего не подозревали и спокойно вели свои корабли к выходу из залива, как вдруг дорогу им преградил неизвестный фрегат. Английские корабли шли уступом, поэтому оба были открыты бортовому залпу «Независимого», а залп этот должен был принести максимум эффекта, так как расстояние было минимальным.

– Правый борт... Пли! – голос Сэйлора прогремел над кораблем, а вслед за ним ударили двадцать два орудия правого борта, и двадцать два книпеля устремились к рангоуту и такелажу английских фрегатов. Первый залп был удачным, но мачты британских кораблей все еще стояли, а их носовые пушки выплюнули четыре ядра, которые просвистели над палубой «Независимого», не причинив вреда.

– Заряжайте книпелями!... Правый борт... Пли!

Второй залп довершил дело. Так как из-за маленького расстояния процент попадания был очень высок, то фок-мачта²⁸ первого фрегата, увлекаемая ломающимися реями и рвущимся такелажем, надломилась выше марс-реи²⁹ и потянула за собой грот-мачту. В результате, первый корабль англичан лишился двух мачт, которые теперь создавали ему крен на правый борт. Сам же фрегат частично развернулся к «Независимому», что только усугубило ситуацию: теперь ни одно его орудие не могло стрелять по кораблю Сэйлора. Мало того, на первый корабль наскочил второй, из-за столкновения на нем также сломалась мачта. Итак, оба фрегата противника были обездвижены и огонь вести не могли. Джордж решил, что самое время переходить к ядрам.

– Заряжайте ядрами!... Правый борт... Пли!

Два десятка чугунных ядер ударились в левый борт и нос первого английского корабля. И деревянная его обшивка отлетала кусками и падала на поверхность мутных вод Чесапикского залива... Так в него было произведено четыре залпа, после которых, получив восемь десятков ядер в упор в левый борт, британский фрегат стал тонуть. С начала боя, если не считать первых двух выстрелов, англичане не выпустили ни одного ядра в ответ, не успевший развернуться, их корабль стоял так, что «Независимый» не попадал в сектор обстрела ни одного из британских орудий. А фрегат Сэйлора посылал в него точные залпы в упор, между которыми матросы все как один перезаряжали орудия, и Робер де Брильяр, стоявший рядом с Сэйлором, как первый помощник, получал удовольствие, наблюдая за слаженной работой команды в первом, общем для них бою. А эта слаженная работа в свою очередь была итогом долгого труда Джорджа по обучению разношерстной команды и доведению ее действий до автоматизма с сохранением кооперации, что и является одним из главных факторов успеха в бою. И вот первый результат этой работы был налицо. Первый английский корабль шел ко дну. Его матросы прыгали в воду под радостные победные возгласы команды «Независимого».

Тем временем, второй британский фрегат, освободившись от препятствия, мешавшего ему развернуться, стал пытаться с использованием уцелевшего парусного вооружения занять выгодную позицию. Но все надежды английского капитана хоть как-то постоять за себя рухнули с еще одним залпом книпелями, раздавшимся с «Независимого». Многострадальный фрегат

²⁸ Фок-мачта – первая от носа мачта корабля.

²⁹ Марс-рея – вторая снизу рея на мачтах парусных кораблей, к которой крепится марсель.

Его Величества был достаточно близок, чтобы орудия Сэйлора успешно использовали против него картечь, что и входило в планы Джорджа.

– Заряжайте картечь!... Стрелки, товсь! – по этим словам капитана, стрелки, стоявшие в линию на опердеке, вскинули ружья, – Стрелки, огонь по усмотрению... Правый борт... Пли!

Град картечи обрушился на суетившихся на палубе вражеского фрегата матросов. Тут же стрелки Сэйлора посбрасывали в воду тех, кого картечь не задела, и кто оставался в поле зрения.

– Что ты мне скажешь, Робер? – этот внезапный вопрос Сэйлора вывел его помощника из оцепенения, с которым де Брильяр наблюдал происходящее.

– Ничего особенного. По-моему все идет очень хорошо.

– А по-моему не очень, – после этих слов Сэйлора, Робер почувствовал у себя на левом плече дуло винтовки Джорджа, а прозвучавший через мгновение выстрел пахнул в лицо де Брильяра горячим дымом и порохом и оглушил первого помощника.

– А теперь что скажешь? – в этом вопросе Сэйлор нисколько не менял спокойной интонации своего голоса.

– Но я не понимаю... – Робер был в недоумении.

– А тут и понимать не надо. Их командир дельный человек был. Он командовал им залечь и не высовываться. Если бы так пошло и дальше, то наша картечь бы ничего не дала. Но теперь командира нет в живых... Почтим же его память... – в это время команда английского корабля, лишившись руководства, вновь засуетилась на палубе. – Пли!

Новый залп картечью смел с опердека еще с полтора десятка человек. Стрелки «Независимого» вели весьма эффективный огонь по усмотрению. После третьего залпа картечью на беспомощном британском фрегате замахали белым флагом. Сэйлор приказал поднять на мачте сигнал для английских матросов садиться в лодки и грести к Йорктауну, гарантируя им неприкосновенность. Через несколько минут с «Независимого» уже наблюдали эвакуацию британской команды. Выжившая часть матросов исполнила приказания (или предписания, как вам угодно) очень точно и быстро: они действительно стали двигаться в сторону Йорктауна. В это время «Независимый» уже подходил к английскому фрегату. Сэйлор, согласно своему плану, хотел поживиться добычей с британского корабля.

Штурман Роберт Борк ювелирно пристроился к борту корабля противника. Через пару минут английский фрегат, представлявший собой жалкое зрелище, подтягивался к «Независимому» abordажными крюками. Пусть читатель не подумает, что капитан Сэйлор подошел к вражескому кораблю сразу, после оставления его командой. Нет. Повинуясь здравому смыслу, он подождал: не появится ли пламя на поверженном противнике или, может быть, он взорвется. И только когда ничего такого не произошло, Джордж решился на этот шаг.

Британский корабль представлял своеобразное зрелище смерти и разрухи. Трупы лежали на верхней палубе десятками. Но матросов Сэйлора это не интересовало. Порох, ядра, пули, кнители, картечь, провизия, пресная вода – вот что интересовало интернациональную команду. Убедившись, что на борту нет никого живого, матросы начали погрузку, точнее перегрузку припасов.

Пополнив запасы, Сэйлор приказал поджечь английский фрегат. Таким образом, когда «Независимый» направился к выходу из залива, опустошенный корабль Его Величества уже был охвачен пламенем. Вскоре, фрегат Сэйлора благополучно покинул Чесапикский залив, в то время как сражение линейных флотов еще продолжалось.

Таково было первое сражение фрегата «Независимый». В этом бою команда Сэйлора не понесла потерь, и от корабля не отломилось ни щепки. Очень удачное предприятие, с учетом захваченной добычи. Так начинал свой путь никому не известный корабль и его капитан, которые впоследствии станут греметь на весь мир.

V. Quare et invenies³⁰

1781—1782 годы, Атлантический океан.

... – Что мы теперь будем делать?

– Будем искать, Робер, искать.

– Но кого искать? Где искать? Атлантика большая! Мы здесь за десять лет никого не найдем!

– Quare et invenies, Робер, quare et invenies!...

И они стали искать...

Атлантический океан... Огромное водное пространство... Эти массы воды не только являются частью Мирового океана, они делят Старый и Новый свет, разводят Восток и Запад по две стороны баррикад. Когда-то этот океан был непреодолимым водным пространством для человека. Население Земли жило в двух мирах, и каждый из них не имел представления о существовании другого. Но даже более развитая Европа открыла Новый свет случайно. На самом деле гвоздика и ей подобные привели европейцев в Америку. Ведь все хотели знать короткий путь в Индию – страну пряностей. Но на этом предполагаемом пути встало препятствие, протянувшееся на тысячи километров с севера на юг и дали этому препятствию название Америка. *Omne ignotum pro magnifico*. – Все неведомое кажется великолепным. В новой открытой стране не оказалось пряностей, зато нашлось золото, которое использовалось местным населением повсеместно, так как его было некуда девать. И европейцы мощным потоком хлынули в Новый свет. Но здесь речь не о Новом свете, а об океане, за которым он лежит. Так вот этот океан стал с того времени видеть все больше и больше кораблей, тогда как до этого Атлантика была совершенно пустыня. Согласно закономерностям размещения животных, там, где есть на что охотиться, появляется хищник. Согласно закономерностям в судоходстве выходит то же самое. Корабли, доверху груженные золотом, слишком ценная добыча, чтобы оставить ее без внимания. А с исчезновением такой богатой добычи хищникам пришлось перейти к более оседлому образу жизни и промыслу как раз в тех местах, откуда и выходили в свое время «золотые галеоны», то есть в акватории Карибского моря и на близлежащих островах. Некогда английские каперы действовали здесь от имени короны, грабя испанское золото. Теперь местные пираты, которых было уже не так много, грабили все подряд. Однако и сейчас на островах в акватории Карибского моря были пираты, которые грабили от имени короля, но теперь их деятельность в основном сводилась к тому, чтобы препятствовать снабжению восточного побережья США.

³⁰ (ЛАТ) ИЩИ И НАЙДЕШЬ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.